

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ЖЕСТОКАЯ
ФОРТУНА

ЭКСМО

Миры Доставки

Юрий Иванович
Жестокая Фортуна

«ЭКСМО»

2014

Иванович Ю.

Жестокая Фортуна / Ю. Иванович — «Эксмо», 2014 — (Миры Доставки)

Виктор Палцени, галактический турист, случайно оказался на планете, где царит жестокое Средневековье. Здесь Виктора именуют Монахом Менгарцем. Уж через какие только опасности он не прошел. Казалось, пора бы и на покой. Тем более что до очага относительного спокойствия, где ждет его любимая женщина, рукой подать... Но жестокая Фортуна распорядилась иначе, и теперь к воплощению своей мечты Монаху Менгарцу приходится чуть ли не ежедневно пробиваться с боем через толпы желающих его смерти врагов. Впрочем, уж кому-кому, а выходцу с другой планеты хорошо известно, что добрым словом и мечом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом...

© Иванович Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	32
Глава седьмая	39
Глава восьмая	45
Глава девятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Иванович Жестокая Фортуна

Пролог

Климат в некоторых районах планеты Майра стал меняться. Причём меняться в сторону непостоянства, буйства, небольших ураганов и кратковременных торнадо. И виной тому послужили неожиданно изменившиеся течения в Мировом океане. Если раньше пресная вода из пролива Речной самотёком вливалась в Южный океан, то с недавнего времени началось обратное движение, и теперь океанские воды проникали в Речной, сделав его солёным. А потом, дальше по проливу Змеиный, устремлялись к Дикому океану.

Смена течений повлекла некое изменение ветра. Вот в Южном и зарождались неожиданные ураганы, но, к счастью обитателей трёх стоящих рядышком материков, воздушные массы смещались в своём опасном движении на юг и юго-восток. Да там бесследно и безобидно рассеивались над безбрежными водами океана и россыпями скалистых, необитаемых островов. Про упоминаемые бури можно было сказать «как правило...». Потому что во всём и всегда существуют некие исключения. Вот и одно такое «исключение», в виде набирающего мощь урагана, увеличиваясь в размерах и наращивая скорость, устремилось по разным стечениям обстоятельств не на юг, а строго на север. Прямоком в широко раскрытое устье пролива Речной.

Если бы на планете существовала служба наблюдения за погодой, да на орбите висели спутники слежения, то после предупреждения люди могли бы обезопаситься, принять надлежащие меры и спокойно пересидеть приближающийся ураган в безопасности. Но метеосводок не существовало, как и не было на планете старых рыбаков, умеющих предсказывать погоду. Поэтому жертвы могли быть огромными и непредсказуемыми.

Жаль, что никто из людей этого не мог предвидеть.

Глава первая

Прощание у шулпы

Нет ничего лучше, чем тёплый день, с лёгким ветерком и неназойливым солнечным светом, пробивающимся сквозь белые облачка. Плюс приятная насыщенность желудка перед дальней дорогой и вполне благодушное настроение, с которым так приятно просто усестся на камешке да любоваться синими водами пролива, голубым небом да химерическим нагромождением некоторых скал на обоих берегах.

Да только внушительной группе людей, собравшейся на сильно возвышающемся над водой пирсе, было не до любования чудесным днём и окружающими красотами. Представители светской, научной и военной власти Шулпы провожали в море эскадру королевства Чагар, а вместе с ней и знаменитого в данном мире Монаха Менгарца. Все провожающие отлично знали, что на самом деле отправляющийся в плавание человек – это обитатель далёкого космоса, выходец из созвездия Жёлтых Туманностей, некогда потерпевший катастрофу над данной планетой, Виктор Палцени. И как раз благодаря Виктору в последние годы, а в особенности месяцы люди данной планеты нанесли сокрушительный удар по рабовладельческой системе, которую чуть менее тысячи лет назад здесь организовали преследуемые во всех галактиках за свои кощунственные опыты учёные.

Менгарец сплотил вокруг себя единомышленников, обучил самых сообразительных и талантливых новым техническим навыкам, создал заново порох и научил чагарцев, а потом и их союзников лить пушки. Уничтожил бессмертного императора, взорвал диспектсор, кошмарное воплощение чёрного научного гения, и сумел захватить, а потом и поставить под полный контроль своих соратников почти весь третий континент планеты, который назывался Шлём. Столица континента Шулпа, она же в прошлом столица рабовладельческой империи Сангремар, отныне являлась самой защищённой от внешней агрессии, потому как охранялась двумя автоматизированными крепостями Великого космоса. Эти крепости иначе назывались «пирамидальной смертью», и противостоять им в бою могли разве что два боевых корабля, не менее крейсера по рангу. А за дальними подступами к самому огромному городу планеты с воздуха внимательно присматривались Белые орлы катарги, разумные, огромные птицы, с которыми людям удалось в последнее время подружиться и наладить взаимовыгодное сотрудничество.

Сейчас остающиеся в Шлеме провожали Виктора на Первый Щит, самый заселённый континент и наиболее густо исполосованный многочисленными государственными границами. Там человеку со звёзд предстояло утрясти весьма хлопотную и пикантную ситуацию с бывшими наложницами императора Гранлео, погибшего в битве у Радовены. Ко всему прочему, на Первом Щите замерли в опасном, хрупком перемирии сразу три воинские силы, и проблема мирного урегулирования там стояла тоже весьма остро. То есть друзья и единомышленники провожали героя не просто домой, на отдых или в объятия его любимой принцессы, дочери Грома Восьмого, они хорошо представляли, с какими трудностями Менгарцу придётся вскоре столкнуться.

Но так как все прения на эту тему уже закончились, советы выслушаны, а споры однозначно запоздали, то во время прощания старались говорить только о погоде да про видимую трансформацию всего пролива. За три прошедшие недели уровень воды в нём упал на шесть с половиной метров, что влекло за собой массу хозяйственных и оборонных забот. К примеру, трапы на корабли ввели теперь не вверх, как когда-то, а удвоенные по своей длине уходили круто вниз, что никак не содействовало погрузке-выгрузке товаров и пассажиров. К тому же сильно мешало появившееся в проливе течение. Невзирая на внушительную ширину Змеиного пролива в этом месте, скорость тока воды достигала пяти кабельтовых, что делало проблема-

тичными манёврами кораблей по причаливанию и отходу от берега. А учитывая окончательное понижение уровня пролива ещё на несколько метров, уже сейчас следовало немедленно начинать строительство удобного и вместительного порта с разветвлёнными пологими дорогами к нему.

Виной таких изменений стал взрыв искусственной дамбы, которая перекрывала природный пролив в северной его оконечности, наполняя его и два остальных бассейна пресной водой, в которой разводились кошмарные монстры, называемые кашьюри. Эти твари, специально завезённые сюда преступными учёными из иного мира, за сотни лет настолько расплодились, что люди при всём желании не смогли бы жить на внутренних пространствах ранее пресноводных проливов. Хорошо, что удалось выяснить, что кашьюри умирают в солёной морской воде, и теперь воды дальнего Южного океана достигли и этого места. Пусть и сильно разбавленные пресными реками внутреннего бассейна континентов, но они были солёными, не питьевыми, и уже сейчас видны первые результаты: плавающие здесь чудовища не резвились, не атаковали корабли с людьми, а некая часть туш, вяло трепыхаясь в предсмертных конвульсиях, сносилась течением к противоположному океану с названием Дикий, на северо-восток.

Оставалось только как можно скорей взорвать вторую дамбу в оконечности пролива Стрела, после чего кошмарные создания, питавшиеся человечиною, будут уничтожены окончательно. То есть для эскадры кораблей под командованием адмирала Стэра Ньюцигена имелась ещё одна наиважнейшая задача: как можно быстрее загрузиться в Чагаре порохом, пройти по второму проливу на северо-запад и разрушить преграду, построенную тысячу лет назад сумасшедшими учёными. Стоящая сейчас в Стреле пресная вода будет снесена в море проточной водой из Южного океана, и все три пролива окончательно станут морскими. Так уж получалось на этой планете, что вызванные смещённым центром тяжести планеты поверхностные перемещения вод создавали определённые течения, при которых океан на севере оказывался метрах в десяти ниже по уровню, чем океан на юге.

После взрыва дамбы в проливе Стрела течение в Змеином упадёт по скорости вдвое, позволяя нормально барражировать парусным судам. Однако проблемы с постройкой порта возникли сразу с падением уровня и появившимся течением. Но правительство Шулпы решило сделать город столицей всего здешнего мира, так что и порт собирались возводить соответствующий. Вот на эту тему и вёлся разговор при расставании на каменном выступе, используемом как пирс.

– Причём нормальный заход тяжёлых кораблей будет лишь при уменьшении скорости течения вдвое, – напоминать инопланетянин своим соратникам. – Ну и обмелевшее на некоторых участках дно придётся расчищать. Так что сразу думайте над тем, как поднять со дна взорванные паромные устройства вместе с тросами. Вдобавок следует придумать, как зачистить всю акваторию пролива от торчащих на дне скал.

– Можно и не трогать скалы, – не согласился с ним Додюр Гелиан, – наши лоцманы будут знать проходы, а посторонним нечего приплывать сюда без спроса. Скоро только ленивые не настроят корабли и лишь недоумки не возжелают если не напасть на город, то хотя бы полюбоваться им.

Крупный, с отлично просматриваемой мускулатурой на теле и вызывающий расположение открытым, честным лицом Додюр в парадной одежде выглядел великолепно. В свои тридцать пять он смотрелся лет на шесть, а то и восемь моложе, благодаря пройденным преобразованиям тела в чудодейственном медицинском агрегате Великого космоса, называемом «омолодитель». Некогда служивший личным коком у его Святости Монаха Менгарца, а ныне занимающий должность бургомистра Шулпы Додюр по большому счёту имел пост не ниже императорского и был вправе носить корону. По крайней мере так в последнее время думали почти все. Ибо к Гелиану, который пока лишь огласил о создаваемой очереди к «омолодителю», уже стремились попасть на приём многие венценосные правители не только королевств

Шлёма, но и соседних материков. А ведь подавляющее количество людей данного мира ещё ничего толком не знало о новых чудесах великой столицы и о возможности прикоснуться к этим чудесам.

Кстати, рядом с бывшим коком стояло ещё одно чудо. Вернее, стояла. Его законная супруга. Аристина Вакахан-Гелиан, роковая красавица, самая известная на Первом Щите женщина, недавняя княгиня, последние два года побывавшая в ипостаси изуродованной рабыни, и теперь вознесшаяся на вершину иной власти и оказавшаяся на острие глобальных исторических преобразований планеты. Не так давно ей исполнилось сорок три года, но после воздействия иномирского медицинского устройства она выглядела на неполных тридцать и легко затмевала красотой даже знаменитых наложниц погибшего сатрапа Гранлео.

В иные времена Аристина считала себя обязанной влезть в любой разговор и высказать своё независимое мнение. Но сегодня она молчала, до сих пор придавленная полученной несколько часов назад новостью от врачей. Известная также своей врождённой патологией и ранее не могущая иметь детей, она вдруг узнала, что беременна и у них с Додюром будет дитя. То есть отныне княгиня, скорей всего, останется привязана к губернатору ещё и самыми крепкими узами, узами ближайших родственных отношений. Что для свободолюбивой, любящей авантюры и приключения женщины оказалось сродни некоему шоку. Она считала себя ещё слишком молодой и не готовой стать степенной хранительницей домашнего очага. Вот она и помалкивала, отвечая невпопад и думая только о своём, женском.

Ещё один провожающий являлся ярким представителем той самой научной элиты недавно созданного пришельцем со звёзд государственного образования. Между собой его с уважением называли «доктор» или «врач», хотя скорей бы ему подошло определение «рвущийся в бой воин». Настолько он выглядел довольным, брызжущим молодецким задором человеком. Ни на секунду не замирал в недвижности или безделье: посмеивался, покрикивал, потирал ладони и готов был спорить по любому поводу, заниматься любым делом и мчаться куда угодно. Выглядел Фериоль Вессано на сорок, максимум сорок пять лет, хотя натуральный его возраст уже давно перевалил за семьдесят. В данный момент некогда прославленный как целитель старец монастыря Дион обладал пышным званием-титолом Верховный управляющий Цитадели Магических Обрядов. В его ведении находились все медицинские устройства, оставшиеся от группы учёных-преступников из иных миров, и он со своими помощниками как раз и проводил процессы всё того же омоложения организма.

Именно мнение Фериоля оказалось самым аргументированным, когда он отвечал губернатору:

– Додюр, дружище! Если кто сюда приплывёт нас завоевать, то он в любом случае высадится в ином месте. А вот для торговли подводные скалы будут мешать невероятно. Мы обязаны создать и построить огромный порт и самый удобный в мире торговый град. Пусть сюда приплывают и торгуют все, кому возжелается.

– Но налог всё равно надо ввести! – завёлся Гелиан, вспомнив недавний спор, затеянный инопланетянином. – Где такое видано, чтобы торговали беспроцентно? Это же какие убытки для Шулпы!

– Опять он за своё! – развёл Виктор руками. – Вижу, что на словах ты цельную картину не воспринимаешь. Придётся мне после возвращения всё это нарисовать для тебя и снабдить соответствующими надписями. Хорошо хоть, что дело не завтрашнего дня, да и первые результаты сможешь сам наблюдать на пригородном рынке возле столицы. А посему... – Тут он прервался, обменявшись жестами с командующим эскадрой. – О! Пора! Наш адмирал уже готов к отплытию. Да и ветер вроде бы самый удачный для парусов... Счастливо оставаться, друзья! – Он каждому пожал руку, а вот Аристину чмокнул на правах старого друга и спасителя в щёчку. Ещё и шепнул при этом: – Ты посматривай за Додюром, как бы он за чужими юбками увиваться не стал...

– Чего?.. – смешно нахмурила брови красавица. – С чего это ты взял?

– Тише! – продолжал шипеть он. – Иначе нас услышат!.. А с чего я взял, так ты сама подумай: теперь у него титул, не меньше чем императорский. К чему такое приводит? Вот-вот... Так что вскоре начнут возле него отираться иные женщины, готовые ради омоложения на всё. И если ты упустишь момент...

Он отстранился, но по озабоченному виду Аристины понял: зерно упало в нужную почву и прорастёт обязательно. По правде говоря, Менгарец создал эту супружескую пару скорее своей властью, чем идя на поводу взаимных просьб. Губернатор-то свою супругу обожал и молился на неё ещё до начала семейных отношений, но та лишь посматривала на него благо-склонно, не больше. Утверждала, а может, и думала, что он ей не ровня. И даже нынешнее положение, титул и беременность могли не удержать герцогиню Вакахан от какого-то опро-метчивого поступка. Поэтому Виктор Палцени решил разбудить у роковой красавицы никогда ранее не просыпавшуюся ревность. Если та вспыхнет, то и женщина лучше разберётся в своих чувствах, быстрее привяжется к мужчине, быстрее познает, изучит его привычки и разберётся в характере. И если уж начнёт «бдеть и опекать», то господину Гелиану мало не покажется от ежеминутного надзора. О чём он втайне только и мечтает.

То есть цель будет достигнута, и не совсем важно, какими методами. Тем более что губер-натор и так обречён в самые ближайшие дни на женское внимание, в этом Менгарец был прав. Ну а то, что он заранее предупредил друга и дал несколько дельных советов, как разбудить в жене ревность, так это останется их личным секретом, о котором никто третий не узнает.

Прощание состоялось.

Как только Виктор Палцени ступил на палубу корабля, трап с завышенного пирса стали убирать, а команда корабля сноровисто принялась поднимать нужные паруса, подтягивать якорные канаты и отдавать чалки. И через несколько минут изящный корвет, набирая скорость, уже двигался к середине пролива. А люди, оставшиеся на берегу, продолжали вскидывать руки в прощальных жестах. Теперь им какое-то время предстояло управлять, развивать и защищать огромную столицу без своего идейного, морального и технического лидера.

А того ожидало трёхдневное плавание в королевство Чагар.

Глава вторая

Природные катаклизмы

Корвет от стен пирса сопровождало иное судно, более мощный фрегат, на котором имелось до тридцати пушек. Грозное оружие, и хорошо, что никто не знал: пороха на кораблях оставалось от силы на десяток выстрелов. Приходилось только надеяться, что прошлые сражения, в которых эскадра показала себя воистину непобедимой, существенно отпугнут любителей разбойничьих нападений. На фрегате располагался и сам адмирал Ньюциген, старый морской волк родом из Гачи, который ещё в молодости бороздил прибрежные зоны океана Жизни, имея специальное разрешение на рыбную ловлю в открытом море.

Вся остальная эскадра, к которой оба корабля дошли через час, уже давно ждала в более открытом и широком Речном проливе. Эскадра стояла на якорях ближе к континенту Второй Щит и как можно дальше от гористого мыса Кряжистый Угол, который венчал континент Шлём на его южной оконечности. Причина банальна: чрезмерная агрессивность всё тех же хищных водяных монстров, которым некогда циничные рабовладельцы скармливали людей. После прихода с юга солёной воды из океана кашьюри устремились огромными косяками в пролив Стрела, в котором до сих пор оставалась только пресная среда. Как следствие, там зубастых чудовищ сейчас кишело столько, что даже повидавший места их рождения и нереста Виктор хватался за голову и высказывался нелюбезными словечками:

– Протуберанцы им во все отверстия! Сколько же там этой мерзости?!

Фрегат сблизился с корветом почти вплотную, и адмирал получил возможность разговаривать с Менгарцем без помощи рупоров:

– Ты видишь, что там творится? Мне кажется, что пройти по тем водам нашей эскадре будет архисложно. И то соли придётся загрузить больше, чем пороха и всех остальных припасов. Это же нереально!

Виктор кривился и кивал согласно головой:

– Да уж!.. Но тогда тем более следует взрывать вторую дамбу, чего бы нам это ни стоило...

– Даже ценой гибели эскадры?

– Ещё чего не хватало!.. Но подумать придётся хорошенько... Или ты что-то хочешь предложить?

Стэр Ньюциген расставил руки в стороны:

– Конечно, огромный корабль, с высокими бортами, был бы идеальным, но!..

– Ха! Когда ещё такой построят?!

– Значит, остаётся надежда только на твоих друзей катарги. Если бы они согласились всё перенести по воздуху... А?

Порывы ветра заставили корабли разойтись на большую дистанцию, а там и вся эскадра стала сниматься с якорей и выстраиваться в походную колонну, а Менгарец закручинился с новой думой.

По сути, огромные Белые орлы, поражавшие своим разумом, могли почти всё. При этом они прекрасно понимали, что уничтожение кашьюри приоритетно, и как бы сами заинтересованы были в скором открытии пролива Стрела для прохода морской воды. Мало того, они уже много раз помогали Виктору, как и возглавляемому им отряду. Например, умудрились побывать в далёком княжестве Керранги и уничтожить с помощью фугасов в столице княжества Чаоле диспектсор, кошмарное воплощение преступной научной мысли. При этом разумные птицы и лошадей переносили, и людей спасали, и пленных брали в случае нужды, но тем неожиданней неделю назад оказалось явление Связующей орлицы Альири, которая считалась в птичьём племени одной из цариц:

«...Отныне и всегда мы готовы помочь тебе, Монах Менгарец, и всем твоим спутникам в любом путешествии, сражении, разведке и деле. Но для всех остальных людей мы были и навсегда останемся неприкосновенными созданиями. Позволить использовать себя как тягловую силу мы не имеем морального права. Пусть хоть весь мир рухнет в пламя глобальной катастрофы, мы никому помогать не собираемся!.. А переносить грузы или просто катать людей по небесным просторам – тем более! Это окончательное мнение совета Связующих, и обсуждению или изменению оно не подлежит!»

В ответ Менгарец торжественно заверил, что все привилегии орлов закрепляются на века, а их права на самоопределение будут учтены во всех существующих законах. Потому что в тот момент инопланетянин и не догадался попросить об одной-единственной, самой последней услуге: доставить минёров и порох к северной оконечности пролива Стрела.

Если разобраться, то проблемы в глобальном плане не существовало. Уже через час к кораблям должны наведаться катарги Мурчачо и Чтец, которые осматривают пока побережье Первого Щита и вместе с членами своей стаи собирают нужные сведения. Можно попросить открытым текстом, поставить новую задачу, и тотчас начнётся подготовка к должному действию. Но! Всё это будет делаться лишь в том случае, если среди подрывников будет находиться сам Покоритель Небес, как орлы ещё иногда называли Виктора за умение летать на созданном им дельтаплане. Тогда они и порох перенесут в несколько этапов, и десяток человек доставят к дамбе, а понадобится, так и несколько стай соплеменников соберут вместе для глобальной помощи.

Вот только всё с тем же единственным условием – помощь другу Виктору.

А ему-то как раз и требовалось срочно, а скорей всего, что и длительно заняться делами в Чагаре. Потому что никто, кроме него, накопившийся и с геометрической прогрессией увеличивающийся узел проблем с бывшими наложницами Гранлео не распутает. Только он, со своим авторитетом, знаниями и умениями, а также пользуясь дружбой с королём Чагара, сможет убедить последнего в определённых действиях. А через него выйти на след всех остальных, розданных красавиц из гарема главного рабовладельца планеты.

То есть терять полторы, а то и две недели на уничтожение оставшейся дамбы он никак не мог. Правда, вырисовывалось ещё два варианта развития событий. Первый: корабли эскадры привозят порох к Шулле, и уже оттуда при сопровождении достаточной воинской силы сухопутный караван движется к дальней оконечности Стрелы и там, наказав должным образом стропливое королевство Бонителлы, разрушает искусственную запруду. Причём данный вариант казался самым удобным и наиболее логичным.

Но имелся ещё и второй путь, по которому эскадра может достичь конечной цели. Путь этот, правда, считался в два раза длиннее, да и трудностей наверняка в плавании возникнет не в сравнение больше, но тоже вполне приемлемый. Следовало кораблям после загрузки пороха двинуться вокруг Первого Щита по часовой стрелке. Удаляться в незнакомых местах далеко от берега не придётся, а ближе к северу и Ньюцигену знакомы все тамошние заливы и бухты. Этот второй путь займёт примерно столько же времени, что и первый, но зато не потребует для безопасности сопровождения в виде сухопутной армии, двинувшейся из Шуллы. Правда, весь юг континента Первый Щит сейчас захвачен новоявленным императором, бывшим королём Редондеры Оксентом Вторым. И наверняка он тоже начал строить свой флот, чтобы дать сражение Союзу Побережья ещё и в море. Да и в финале плавания подобные столкновения могли произойти с самозванным императором Севера материка, бывшим монархом королевства Дейджан. Но в любом случае эскадры Чагара разобьют любого противника благодаря грозной мощи пушек на бортах и наличию опытных, сработанных экипажей на вантах.

Оставалось посоветоваться с адмиралом о выборе правильного пути, где помощь от катарги потребуется только в виде воздушной разведки. А уж на такую мелочь, как пригляд сверху за армией или за кораблями, орлы согласятся без колебаний.

Пока в голове у Виктора ворочались подобные рассуждения, выстроившаяся в кильватерную линию эскадра вышла окончательно в более широкий Речной пролив и двинулась прямо по его центру строго на юг. Постепенно отошли к горизонту оба берега, а возвышающиеся позади горы Кряжистого Угла превратились в мало заметные возвышенности над морской гладью. И казалось бы, никто не сможет помешать целенаправленному переходу. Даже скользящие изредка под поверхностью воды тени монстров кашьюри перестали замечаться дозорными.

И вот тут неожиданно свалилась новая напасть на головы моряков. Ветер, до того дувший вполне упруго и равномерно, стал дёргаться, переходя от порывов к затишью, а потом и вовсе неожиданно иссяк. Ещё с четверть часа во всех направлениях носились лёгкие, еле ощущаемые бризы-дуновения, но потом и они исчезли, оставляя корабли с обвисшими парусами недвижимыми на зеркальной глади воды. Хорошо, что ещё время года считалось не самым жарким, да и вода за бортом, заметно посвежевшая и очищенная океаном, всегда позволяла ополоснуться в случае нужды.

Стали советоваться: ждать на месте, закрепившись якорями, или двигаться к берегу с помощью вёсел? Смысла идти на вёслах против небольшого, но всё же течения, никто не увидел. И берег далеко, и воды пресной хватает, и с какой стати корячиться? Не сейчас, так к вечеру ветерок поднимется, об этом заявил много здесь плавающий адмирал:

– Ну было такое пару раз. Но не более чем на час-два... Так что я укладываю команды спать. Пусть отдыхают впрок.

Виктор на это решение покривился, но настаивать на вёсельной гребле не стал. В любом случае это не ускорит плавание. А вот о своём решении плыть на кораблях пожалел. Теперь ему, как никогда ранее, не терпелось добраться до Радовены, столицы Чагара, и он сомневался в правильном выборе нужного транспорта. Мог ведь и на дельтаплане сразу взлететь в небо: уж там, на высоте, воздушных потоков всегда хватает. А дальше его орлы к месту назначения забросили бы. Ведь совсем необязательно возвращаться в сопровождении грозной эскадры. Тем более что встречи не будет: никто на Первом Щите ещё не знал, что его Святость, высший проповедник монастыря Менгары остался жив и в полном здравии. Там его до сих пор считали сгоревшим в адском пламени кошмарной машины, оставшейся от императора Гранлео.

О предстоящем прибытии инопланетянина знали только три человека. Линкола – мать короля Грома Восьмого; её старшая внучка, принцесса Роза Великолепная, Покорительница Небес; ну и генерал Тербон, верная опора и наилучший защитник всей королевской семьи, старый приятель и соратник Виктора Палцени. Ждали и готовили соответствующие действия к моменту его прибытия.

«А прибытие как раз и задерживается! – с досадой размышлял Менгарец, нервным шагом прохаживаясь по раскалённой палубе корвета. Каждый раз при развороте он останавливался и внимательно вглядывался в небо. – И Мурчачо не видно! Вроде бы уже и пора орлам появиться. С чувством времени у них всегда был полный порядок. Хотя... – он взглянул на часы и покайно вздохнул, – это я зря паникую. Полчаса как минимум у них ещё до назначенного времени есть. Но! Ржавчина на мою голову! Почему я такой нервный, неуравновешенный? Если бы кашьюри на нас напали, я бы хоть душу отвёл, работая своим двуручником!

Но его угрожающий меч так и стоял, прислонённый к центральной мачте, и грозно поблескивал удивительной по прочности сталью. Туда его заботливо поставили и даже закрепили в специальных зажимах вновь вернувшиеся к своим обязанностям оруженосцы. А водные монстры вообще пропали из поля зрения. Скорей всего, ушли к более пресным проливам, а те, кто не успел, попросту завалились отравленными на дно. Так что сражаться было не с кем. Сгонять зло на матросах вообще было не в стиле его Святости, ничего больше не оставалось, как метаться по палубе да с нетерпением поглядывать на небо.

И всё равно не он первым заметил опасность. О ней сообщил один из марсовых, восседавший на мачте флагмана эскадры:

– Грозовая облачность с южного направления! – звонкий голос услышали на всех погрузившихся в дрему кораблях. – Тучи приближаются довольно быстро!

С тучами, пусть даже и грозowymi, для бравых моряков трудностей не предвиделось. Наоборот, все обрадовались и зашевелились. Тучи – это и ветер! А значит, предстоит опять движение! И громкие команды вывели экипажи из спячки, приказывая готовиться к продолжению плавания.

Да только радость на лицах офицеров и наблюдателей несколько погасла, когда они минут через пять сообразили, с какой громадной скоростью надвигается на них странная буря. Небо на юге чернело и наливалось свинцовой тяжестью прямо на глазах, и вихрящиеся тучи уже распростёрлись широкой полосой на весь горизонт.

Адмирал Ньюциген, сам никогда не бывавший в подобном урагане, всё-таки знал об аналогичных апокалипсисах понаслышке. И сразу понял, какая опасность грозит его эскадре. По его командам стали снимать и сворачивать в бешеном темпе все паруса, оставляя только один малый косой парус, называемый грозовым и позволяющий кораблям держаться носом к волне. В аварийном режиме наглухо задраивались все люки и палубные отверстия. Готовились все снасти и распорки, которые могли повысить выживаемость судов в экстремальных условиях. Проверяли шлюпки и их крепления.

И всё равно можно было смело сказать, что до первого налетевшего шквала военные моряки приготовиться не сумели. Хорошо хоть плавучие якоря успели сбросить за борта. Удар ветра оказался настолько сильным и мощным, что не стой корабли к нему носом, так бы и легли на борт. Но и так мало не показалось: мачты ломались, словно спички, натяжки и канатные снасти рвались, словно прогнившие насквозь нитки, а шпангоуты закрипели и затрепцали так, словно их ломал, выкручивал невидимый гигант.

А потом с мелкой водяной пылью и гроыхающими вспышками молний всё вокруг заполонила практически непроглядная мгла. Такой и среди ночи не случается. Невидимый и не испытываемый никем ранее ураган обрушился на эскадру со всей беспощадной и слепой яростью. И началось истинное светопреставление.

Естественно, что ни о какой взаимовыручке кораблей в данный момент не могло быть и речи. Да что там говорить о соседях, когда нельзя было расслышать в рёве ветра то, что кричал держащий тебя за руку товарищ. Да и его лица при этом было не рассмотреть. Поэтому каждый спасался как мог сам, держался, за что вцепился, и старался успеть вдохнуть как можно больше воздуха перед набегающей очередной волной. Ещё полчаса назад выглядящие как грозные и непобедимые творения рук человеческих фрегаты и корветы сейчас мотало в потоках словно щепки, ветер на пиках волн пытался поднять их в небо, а потом бросить оттуда с ещё большей смертельной высоты. Оставалось только надеяться на Удачу и благосклонную Фортуну, которые спасут в данную секунду и утихомят ураган. Если не в самые ближайшие минуты, то хотя бы в течение получаса. Иначе – смерть.

Виктор, привязавший себя верёвками к мачте, старался спасти глаза и уши, закрывая их плотно веками и ладонями, и всё равно ветер с водой выносили у него из головы все мысли, чаяния, надежды и размышления. Только и мелькали порой на периферии сознания некие обрывки мысленной деятельности, совсем неуместные в данную минуту:

«Вот потому о таких кошмарах никто и не рассказывает... что живых не остаётся... Этак и корабли строить побоятся после такого урагана... И как он образовался?.. Планета чудес, не иначе... А вот древний город, найденный орлами, так и не довелось посмотреть перед смертью... Ну да, и Розу я больше не увижу... О! Неужели нас подняло в воздух?! Вроде как летим и медленно переворачиваемся вниз мачтами? Но такого не может быть! Падаем?! Воздух! Надо набрать как можно больше воздуха!..»

И ещё через полчаса:

«Неужели гибнет весь мир?! Ведь прошла вечность, а ураган так и не ослабевает! Жаль... Жаль, если все наши мытарства и потуги пойдут насмарку... Ведь без моего вмешательства Гранлео вскоре возродится вновь... И опять возобновит империю Сангремар, восстановив свою власть и прежнее рабство... Только и греет одна надежда, что отстроить заново диспект-сор своими силами ему не удастся, а значит, его новая жизнь будет уже точно последней. Следовательно, я не зря прожил на этом свете... А Роза?.. Роза, надеюсь, спасётся, сумеет скрыться от молодого Гранлео и его подлой сообщницы Мааниты... Всё-таки подсказки и некие описания сути бесчинств, творимых Гранлео, я ей и Линколе передать успел... Они прекрасно понимают, кого родят наложницы, в случае если они уже были беременны... Да и Додюр с Фериодем не просто будут сидеть на месте сложа руки. Дворец в Шулпе в их полной власти, а без него воскресший император немногого стоит...»

Дальнейшие разрушения, постигшие корвет во время ударов, толчков и странного скрежета, не замедлили сказаться на целостности всего судна. Судя по характерным сотрясениям и вибрации, легко можно было догадаться, что ураган забросил корабль к береговой линии и сейчас, скорей всего, ломает его о сушу.

Только и стоило для отвлечения внимания задуматься над вариантами: к каменному и местами крутому берегу Первого Щита принесло останки морского красавца или волочит по прибрежным болотам Второго Щита? А может, занесло обратно к Кряжистому Углу? В первом случае смерть, скорей всего, будет быстрой, во втором и в третьем – мучительной. Потому что в пресноводных болотах Второго Щита как раз и концентрировались спасающиеся от соли водяные монстры. Одни подались в пролив Стрела, а другие на болота континента, лишённого со своей западной стороны гор. Правда, из-за падения уровня воды болота тоже стали медленно осушаться, и там кашьюри погибнут. По логике они и там когда-нибудь вымрут. Но когда ещё это случится?

Ну а на слиянии проливов концентрация монстров вообще не поддавалась уразумению. Так что если выбирать, то лучше уж погибнуть на скалистом, но чистом берегу. Увы! Выбор изменчивая Фортуна оставляла в своих руках.

Страшный удар, похоже, расколол судно если не на несколько, то уж на две части точно. Остатки снастей, увлакиваемых обломками мачты, словно хлыстом ударили по лицу и по голове Виктора. Вводя сознание в состояние кратковременной контузии. Не помогли даже прижатые к голове ладони, которые покрылись сочащимися кровью порезами.

Затем второй удар, ещё более страшный, чуть не разрезавший тело частично оглушённого человека натянувшимися верёвками. Теперь показалось, что палуба стала задираться вертикально вверх, словно останки корабля вдруг наткнулись на прочную скалистую преграду. А потом нечто тяжёлое ударило пытающегося вздохнуть Менгарца по затылку, и он окончательно и надолго провалился в омут беспомощности.

«Ну вот и всё!..» – мелькнула последняя мысль.

Глава третья

Выжить любой ценой

Прежде чем вернуться в сознание, Виктор Палцени почувствовал, что задыхается. И только потом услышал неприятный, страшно знакомый хруст. Дышать мешали верёвки, на которых он провис всем телом, а одна из них впивалась в горло. Тут обошлось без сложностей: достаточно было пошевелиться и приподнять голову, как влажный прохладный воздух ринулся свежим потоком в лёгкие.

А вот хруст продолжался, и, лишь с трудом приоткрыв правый глаз (левый оказался заплывшим под жуткой опухолью), Менгарец смог рассмотреть, что творится под ним. Слух и память его не обманули: такие характерные звуки могли издавать только гигантские челюсти кашьюри, рвущие плоть своей добычи вместе с костями. И внизу, на расстоянии метров семи, два монстра, отталкивая друг друга мордами, доедали тело одного из пострадавших при кораблекрушении моряков. Хотелось надеяться, что бедняга умер ещё во время урагана, а не от зубов хищных людоедов. Скорей всего, те и до висящего на верёвках человека добрались бы, встав на задние лапы, но им для этого не хватало высоты собственных тел. Окажись жертва на метр ниже, то очнулся бы не от удушья, а от последней в своей жизни боли ломаемых конечностей.

Естественно, что первым желанием Виктора было отпрыгнуть назад как можно дальше. Затем накатила паника, что верёвка не выдержит и разорвётся или просто развяжется. Поэтому он стал осматриваться с максимальной осторожностью и не делая резких движений.

Похоже, что корвет всё-таки раскололся на несколько частей, когда ураганный шквал, торнадо или гигантские волны выбрасывали его на берег. А потом ещё и по суше проволокли эти части, не выбирая ровного пути и добивая ударами о скалы несчастных, пытающихся выжить мореплавателей. Палуба, а вернее её кусок, стояла под ногами у Виктора перпендикулярно к почве и, что самое неприятное, медленно, но вполне заметно продолжала погружаться в кучи грязи, водорослей и спутанных веток деревьев. Вполне возможно, что под этим наносным мусором располагалось болото. О болоте говорило и наличие копошащихся вокруг кашьюри, помимо пары прямо внизу виднелось ещё несколько тварей, которые рылись в грудях веток. Хотя и твёрдые участки суши просматривались этакими бугорками и торчащими на них остатками деревьев. Вырисовывалось в растекающемся, сочащемся дождём тумане несколько массивных скал, на одну из которых и опиралась горизонтально мачта, тоже не вся, а своим оставшимся десятиметровым отрезком.

Самое печальное, что пока вокруг не наблюдалось хоть кого-то из выживших членов экипажа. Помощи ждать было не от кого, следовало самому приложить все свои силы и умения для собственного спасения.

Первым делом осмотр тела. Все кости на удивление целы. На затылке громадная шишка, к которой больно притронуться. Наружные части кистей рук содраны, местами до костяшек, но пальцы тоже целы. Левый глаз заплыл так, что вначале показалось, что и нет его больше, и, только разведя пальцами застывшую корку крови, удалось увидеть кусочек окружающего пространства. То есть двигаться и сражаться можно.

Оставалось только развернуться на провисших верёвках, не выпав при этом в хищные пасти, а потом ещё взобраться на верхнюю плоскость горизонтально лежащего мачтового обломка. Развернуться удалось с трудом, с замиранием сердца поймав отвязавшийся конец верёвки, который до того поддерживал грудь. А вот дальше пошло на удивление легко благодаря своему именному прославленному оружию. Как это ни было дивно, но гигантский двуручник удержался в своих креплениях! Хотя скорей всего помогли ему это сделать две обвязки,

которым оруженосцы притянули тяжеленное оружие к мачте намертво, в момент экстренной подготовки к шторму.

И вот как раз, придерживаясь за крепления и за крепкие стягивающие верёвки, Менгарец сумел выбраться наверх и уже там, усевшись на толстенный ствол верхом, стал осматриваться более тщательно. Потом даже встал и, подтянувшись на руках, заглянул за торчащие вверх остатки палубы. Надеялся увидеть там трюмные помещения, а в них и кого-то из спасшихся товарищей, да только... днища у корабельного обломка не оказалось. Несколько торчащих, словно рёбра шпангоутов, на которых комьями висели сплюснутые останки болотной растительности.

И тишина... Нарушаемая ненавистным хрустом и шелестом падающего дождика.

Прошёлся, аккуратно балансируя по мачте на скалу. Та тянулась куда-то вдаль и терялась в тумане, но отсутствие на ней кровожадных монстров внушало оптимизм. Раз сюда не забрались, значит, можно пересидеть некоторое время в безопасности. А там тучи разойдутся, дождь кончится, и обязательно прилетят на поиски орлы катарги. Пусть даже сутки пройдут, а то и двое, но помощь по всей логике должна постыть.

К сожалению, ничего, кроме верёвок да громадного обломка палубы, в распоряжении потерпевшего не было. Это если не считать двух метательных ножей, оставшихся в голенищах сапог, приличного кинжала, болтающегося на поясе, ну и монстра-переростка, который именовался личным мечом его Святости. Сколько ни всматривался Виктор в пространство вокруг остатка фрегата, ничего не заметил. Ни бочонка с питьевой водой, ни корзины с пищевым провиантом, ни стоящего плотницкого инструмента. Ведь топор бы, к примеру, очень и очень пригодился. Хотя бы для разделки палубы на необходимые для костра дрова.

Естественно, что о костре сейчас и даже сегодня не стоило мечтать. Ни солнца не видно, ни сухой щепочки не отыщешь. Солнце бы пригодилось для использования стекла от часов, которым можно было разжечь сухой мох и листья. Да и кресало с трупом, которые находились в непромокаемом ранее, но сейчас порванном пузыре, оказались жутко мокрыми и подпорченными.

Пока лишенец осматривал скалу да окрестности, кусок палубы просел в болото ещё на метр в глубину и вроде как замер. Но всё равно ходить по мокрому брусу мачты, теперь лежащему под уклоном, стало трудно и опасно. А ходить, хочешь не хочешь, а надо. Во-первых, следовало отвязать и доставить в безопасное место свою палочку-выручалочку, двуручник. С этим удалось справиться быстро. А вот затем полтора часа ушло на попытки выломать раскученные доски палубы из пазов и нахлесток и сделать запас дров если не на ближайшую ночь, то на завтрашний день.

К концу этого изнуряющего труда вокруг немного посветлело, тучи стали рассеиваться и дождь почти прекратился. Но зато стало темнеть из-за приближающегося вечера.

– Это сколько времени тогда прошло?! – поражался Менгарец, стараясь разговором вслух успокоить свои нервы и проверить заодно исправность своей гортани. – Неужели ураган меня носил пять часов? Или я так долго находился в бессознательном состоянии? Если судить по несчастной жертве, которую доедают кашьюри, то долго я в отключке не провисел... Или чудовища тоже несколько часов прятались после невиданного шторма? Вряд ли... эти твари не имеют ни малейшего инстинкта самосохранения. Как и страха никогда не испытывают... Так, значит, всё-таки ураган виноват? Но тогда на какое расстояние могло разметать эскадру? И кто из наших сумел спастись в такой катавасии? Естественно, дальнейшие вопросы проистекали из предыдущих. Если это конец света, то что творилось в Чагаре? Уцелела ли Радовена? А что могло достаться Шулле? Хотя город там любую бурю выдержит... М-да!.. Плохо жить без постоянной и вездесущей связи!..

Все эти его ворчания проходили под весьма интенсивные действия. Он таки решил при быстром беге осмотреть свою скалу как можно дальше от точки крушения. Вдруг она упирается

другим концом прямо в лес? А то и вообще выходит к человеческому жилью? Вот будет глупо ночевать в холоде и сырости, когда недалеко городок или деревня! Правда, после нынешнего урагана всем прибрежным поселениям неслабо досталось, но уж во всяком случае лучше оказаться среди людей, чем прислушиваться к постоянному хрусту болотных тварей.

Пробежать пришлось с километр, прежде чем пришло понимание, что скальная возвышенность с понижением расходится в стороны. А когда впереди показалось особо плотное туманное облако, Менгарец здраво решил вернуться. Соваться в неизвестность в сгущающихся сумерках – невероятная глупость. И так теперь ночь спокойно спать не будет по той причине, что дальние оконечности скалы, скорей всего, смыкаются с болотами, выходят с ними на один уровень и, вероятно, там есть возможность для кашьюри взобраться наверх. А почему до сих пор этого не сделали? Да по простой причине: скала голая, никого на ней не бывает, вот и сложился у местных чудовищ стереотип в бессмысленности покорения скальной высоты. Туда ещё доберёшься, а на обратном пути с голода помрёшь или от пересыхания кожи. Твари, хоть и могут выходить на сушу и двигаться по ней, всё-таки водоплавающие существа. Среда их обитания – толща пресных вод или в крайнем случае, как здесь, – топкие и гнилые болота.

Пока вернулся к заготовленной куче дров, устал как собака. Но отдыхать себе не позволил, как сделал бы до разведки. Новые знания – новые печали. Ведь всё-таки у кашьюри существовал некий шанс сюда добраться поверху, используя ночь и постоянно морозящий дождик. Мало ли как сработают у них тупые мозги! А подкрадываться эти порождения ужаса умеют тихо...

Вот и пришлось вновь бегать по наклонной мачте, срезать все верёвки, сооружать некое подобие кошки из креплений и поднимать наверх все ранее замеченные остатки снастей. Хорошо, что успел это сделать до наступления полной темноты. А вот некое подобие сигнальной сети расставлял вокруг предстоящего места ночлега на ощупь. И только потом, обложившись со всех сторон обломками досок, уложил меч у себя на коленях, да так и уснул сидя. А точнее сказать провалился в пропасть сна.

Скорей всего, подберись к человеку любой из монстров в первые два-три ночных часа, тот бы и не отреагировал. Кровожадный монстр, выросший на человечине, схрупал бы спящего инопланетянина и не подавился. Повезло лиценцу...

Две твари приползли гораздо позже, с первым рассеянным утренним светом. А к тому времени Виктор, уже выспавшийся, восстановивший силы, но страшно промёрзший и мокрый насквозь, нагулял зверский аппетит и страшно хотел пить. Так что не вставал на ноги лишь по причине эфемерного желания сбересть тепло в сжатом, скрюченном теле. Ну и не спал, естественно. На пустой желудок и без крыши над головой долго не поспишь!

Поэтому тихий скрежет когтей по камням услышал заблаговременно. А потом и рассмотрел две крадущиеся туши, напоминающие толстенных крокодилов. Успел сделать разминку всех мышц, так и не меняя сидячего положения, а когда пришла пора для атаки, вскочил на ноги да подпрыгнул на месте несколько раз, проверяя готовность к бою. Содранные костяшки пальцев побаливали, левый глаз так почти и не открывался, но сил и злости для сражения хватало с избытком. Ещё и тактически поступил очень грамотно, не став убивать тварей далеко от края скалы. Подманил их ближе, а потом двумя мастерскими ударами, за которые и получил всемирную славу, раскрыл обоим кашьюри головы.

После чего, используя доски как рычаги, подкатил туши к краю скалы да и столкнул вниз. Где незамедлительно начался завтрак для таких же чудовищ. Поедали они всегда раненых или убитых особей своих стай с полным равнодушием и отменным аппетитом.

Немного подумав, Менгарец прошёлся по скале по маршруту пришедших монстров, но никого при нарастающем дневном освещении не обнаружил. И только тогда поспешил назад к своему временному биваку, радуясь, что дождь закончился. Очень уж не терпелось разжечь костёр, просушить одежды и прогреть основательно продрогшее тело.

Увы, удалось добыть пламя, а потом его и распалить как следует только часа через два. И то лишь благодаря кратковременным лучикам солнца, которые выглянули в окошко среди туч. Но и этого хватило, чтобы затрепетал первый язычок огня. Далее человек уже и одежды высушил, и сам прогрелся как следует, и спокойно обдумал свою диспозицию.

Облачность не позволит орлам его заметить издалека. Дрова кончаются. За ночь остатки корвета провалились вниз ещё метра на полтора, и ходить по круто наклонённой мачте было крайне проблематично. Да и обломанный её конец находился теперь на самой кромке скалы. Того и гляди рухнет в болото! И хорошо, если пришибёт собой только нескольких кровожадных монстров, а не уронит вниз неосторожного, слишком самонадеянного человека.

То есть оставаться на месте не было ни малейшего резона. Следовало искать людей. Да и просто уходить отсюда как можно быстрее. Если пара кашьюри сюда забралась, то могут иные члены стаи следом прийти, а может, и вся стая на запах крови подтянуться.

Виктор напоследок оправился, затянул ремень на следующую дырочку, возложил свою смертоносную оглоблю на плечо да и двинулся в путь. На месте своей вчерашней разведки и в самом деле рассмотрел, что боковые откосы спускаются вниз, а потом зарослями кустарника так и переходят в болото. И естественно, что даже издалека в болоте просматривались поблескивающие, копошащиеся туши кашьюри.

– А чтоб они загорали возле Сверхновой! – не удержался от ругательств вслух инопланетянин. – Сколько же их тут?! Даже понижение уровня воды в заливе не сказывается. Вот же живучие твари! Нелегко придётся здешним жителям отвоёвывать свои исконные плодородные земли. И солью ведь болота не посыплешь... Ну да справятся как-нибудь...

Конечно, сомнения ещё оставались в том, что он на Втором Щите, но совершенно мизерные и беспочвенные. Слишком уж местность разнилась от побережья противоположного континента, которое он прошёл пешком да и внимательно осматривал с летящего в небе дельта-плана. Ну и вид недалеко расположенного холмистого леса сразу указывал на его необычность и ранее не виданное величие. Скалистая возвышенность так и вела к массивным деревьям, постепенно опускаясь вниз и на своей оконечности опасно смыкаясь с подступающими болотами. Так что рассматривать окружающие красоты и ориентироваться на местности было некогда. Следовало преодолеть опасный участок чуть ли не бегом, пока его не перегородили кровожадные твари.

Вот Менгарец и поспешил. Прикинул издалека, что вроде как должен пройти опасный участок не напрягаясь. При ближайшем рассмотрении удалось заметить, что уровень вод тут всё-таки сильно спал, как минимум метра на три, так что выползть из болот на возвышенность стало довольно проблематично для кашьюри. А они, заметив спешащего человека, жутко активизировались, пытаясь массовыми потоками взобраться на скалу.

– Ну да... так я вам и дался, зубастые уроды! – бормотал человек, тем не менее значительно увеличивший скорость своего передвижения. – Не на того напали! И будь у меня время, стоял бы тут и рубил бы вас от рассвета до заката! Мрази!.. Оп-па!

И от неожиданного зрелища чуть не споткнулся. Там, где скалистая возвышенность вонзалась в лесной массив, на неё из-под деревьев единой колонной из-за узости тропинки выползала вереница кашьюри. Видимо, у них и в самой чаще имелось некое болотце или озеро, где они проживали, и вот теперь из своей вотчины спешили навстречу своему самому любимому лакомству. Взор с ходу насчитал не менее десяти особей.

Человеку отступать было некуда. Но при виде новой опасности он зло рассмеялся, перехватил удобней свой громадный меч и двинулся дальше, приговаривая:

– Ну вот, сам хотел вас покромсать... а вы тут как тут. На ловца и зверь бежит. Эх! Раззудись плечо!..

И довольно эффективно, экономно расходуя силы, начал прорубаться через прущую на него колонну. Сражение получилось невероятно красочным и неожиданным в первую очередь

для монстров. Вроде как атакуют они, но победителем со всех сторон выглядит человек. Удар – труп. Обход дёргающегося в конвульсиях тела со стороны – и новый удар. Но чаще всего выверенное рассечение носовой части зубастой пасти сразу выпускало всю жизненную энергию из монстра, и он замирал на месте, словно умер уже давно. Уж кто-кто, но его Святость, первым поднявший оружие на кашьюри, прекрасно знал, как и с какой силой надо смертельно ранить безобразных монстров. Да ещё так, чтобы не мешали своими лапами и хвостами в посмертных конвульсиях. А уникальное оружие, легко порхающее в его руках, позволяло воевать и не с такими кошмарными созданиями.

Вот так, размахивая деловито своим двуручником, Менгарец вошёл под густые кроны лесных исполинов. Как он вскоре заметил, озёр в лесу особо не наблюдалось, и уж тем более болот. Да и объектов уничтожения перед ним осталось единицы. Скорей всего, ураганом сюда донесло волны грязи, слизи и жижи с болот, а вместе с ними и кашьюри здесь оказались. Хотя не факт, что их вскоре тут не очутится бесчисленное множество, привлечённое запахом крови и человека.

А посему останавливаться и осматриваться было некогда. Так и пришлось интенсивно двигаться в глубь леса. Хорошо, что гигантские стволы отстояли друг от друга далеко и подлеска как такового не существовало: выбирать дорогу стало легко и безопасно. Любого бросающегося наперерез кашьюри Виктор успокаивал одним ударом и всё дальше и дальше уходил от опушки. Как ни странно, но твари так и продолжали настойчиво идти за ним следом, хотя большинство таки отвлекалось на поедание трупов. Что вызвало вполне справедливые опасения:

«Вдруг впереди всё-таки имеется болото? Или внушительное лесное озеро? Если меня прижмут к его берегу, я могу с навалной атакой и не справиться! Может, ускориться, пробежаться вперёд?..»

Он как раз рассёк пасть очередной твари, выползающей из-под кустиков, когда рассмотрел впереди особо густые заросли высокой травы и кустарника. На секунду задумался, куда податься и сам вздрогнул от неожиданно раздавшегося голоса:

– Ну ты лихо с ними расправляешься! – из-за третьего справа дерева выступил высокий тощий мужчина с коротким копьём и, не пытаясь завязать знакомство, сразу начал с совета: – Туда не ходи! Там озеро с этими тварями. Уже и в него добрались!..

– Так показывай дорогу, – без всякого колебания предложил Менгарец.

– Беги за мной! – И незнакомец довольно резво припустил бегом, забирая круто вправо от прежнего маршрута движения Виктора.

Так они двигались минут пять, затем опять повернули на восток. И ещё через минут десять, видимо, обойдя озеро и оставив его далеко за спиной, нежданный проводник остановился и предложил отдохнуть попутчику:

– Отдыхимся... Здесь уже вроде и не страшно... Но посматривать не помешает.

– Ясно. Спасибо за помощь, – поблагодарил лишенец и представился: – Виктор!

– Кхети Эрст! – тщательно выговаривая каждую букву, назвал себя мужчина. При этом он уже более внимательно осматривал пришельца, особенно его одежду и меч. – А ты откуда тут взялся?

– Ураган принёс... – Видя непонимание в глазах собеседника, Менгарец стал уточнять: – Ураган – это та самая буря, которая была вчера. Мы плыли по морю, а точнее, по проливу Речной на корвете, а нас подхватило волнами и сюда забросило. Остатки корабля ещё торчат из болота в конце скальной гряды, по которой я добирался к лесу.

Кхети Эрст хмурился так сильно и так однозначно кривил тонкие губы, что всё его полное недоверие сразу читалось на лице. Но уточнять и переспрашивать он начал с конца короткого пересказа:

– Небось ты на этой скале и ночевал?

– Ну да, в тумане не разобрался, куда она выводит...

– И монстры тебя не атаквали?

– Под утро зарубил парочку. Потом костёр развёл, отогрелся, просох и понял, что надо к лесу двигаться. Хорошо, что успел.

– И по морю, значит, плыл?

– Ну, я же говорю!

– А что такое корвет? Твоя лодка так называлась?

– Да нет. Это такой огромный корабль, который может и двести человек, и триста перевозить по морю.

– Хм! Ураган и в самом деле был сильный. Вчера волна прошла далеко вверх по течению Саарги. Но чтобы она принесла такую большую лодку?.. Да ты никак врёшь, Виктор?

– Зачем мне врать? В конце скальной гряды ещё торчит обломок нашего бедного корвета. Если есть желание, сбегай и посмотри... – Виктора очень заинтересовало упоминание о какой-то реке. И если он правильно понял, то называлась она Саарги. Также стало понятно и минимальное опускание уровня воды: прилегающие к реке болота имели свои независимые источники пресной воды и от пролива никак не зависели. Теперь бы ещё точнее выяснить своё местонахождение и понять, куда его занесло. – Значит, мы в устье реки?

Местный абориген как-то странно, но всё-таки утвердительно покивал головой. Словно не соглашался, а подавал некий особый знак. Потом развёл руками и заговорил слишком громко и торжественно:

– Да! Мы недалеко от берега великой реки Саарга! Но ты, чужак, запутался в своей лжи! Потому что до знаменитого Речного пролива отсюда три дня пути через густые леса и болота. Так что тебя никак не могло занести сюда на крыльях ветра. И скорей всего, ты лазутчик наших кровных врагов!.. Бей!

Неожиданное восклицание относилось явно не к Виктору. И в следующий момент он ощутил оглушающий удар по многострадальному затылку.

Глава четвёртая Почётный плен

Очнулся он во время переноса своего тела. Причём сразу же отчётливо расслышал ворчание носильщиков, которые нелюбезно ругали всё того же коварного Кхети Эрста:

– Ну и чего, спрашивается, – сильным голосом высказывался первый охотник, – ты, старый баран, дал команду мальцу глушить рыцаря? Ведь не убежал же он!

– Да потому, что Кхети лучше бы подошло имя Чурбан! – восклицал другой голос. – Это же надо додуматься волочь такую тушу и чёртову железяку, вместо того чтобы преспокойно сопроводить пленника в посёлок под видом гостя! А?

– Ну да, этот тип и сам бы тогда свою оглоблю железную пёр! – поддакивал третий. – Ну! Чего молчишь, умник?

Тоже покряхтывающий наравне со всеми от натуги, потому что приходилось идти в гору, вышеназванный абориген попытался оправдаться:

– Посмотрел бы я на вас, после того как этот рыцарь монстров рубил, словно мотыльков на иголку накалывал. Да возле него страшно стоять было, не то что разговаривать. Так и казалось: сейчас махнёт своим мечом, и меня в два раза по кускам больше станет. Ещё мне в голову мысль ударила, что он сейчас меня ног лишит, а потом пытаться будет, узнавая, где посёлок. А вас и слышно не было... Вот я мальцу и кивнул, чтобы он подкрался да оглушил... Что ни говорите, а так спокойнее. Дотащим до посёлка, а там уже пусть его долю старшины решают...

Его друзья на это лишь пофыркали да вполне верно наградили недоумка новыми нелестными эпитетами. Чем бы ни оправдывался их дальний разведчик, а его излишняя перестраховка налицо. Теперь им приходится пыхтеть, как стаду бегемотов. А просто связать пленника, дожидаться, пока тот очнётся и сможет идти сам, видимо, не позволяли рышущие по лесу кашьюри.

Оглушённого человека аборигены несли привязанным к тонкому, но прочному стволу какого-то срубленного дерева, привязав руками и ногами. Причём верёвки въелись в кисти настолько, что Менгарец уже не смог дольше притворяться беспамятным и взмолился:

– За что ж вы меня калечите, люди добрые?! У меня так кисти скоро оторвутся! Давайте я уж сам идти попробую, да и вам легче будет!

С первыми словами процессия замерла на месте, а потом и опустили пленника на землю. Вытянули вначале ствол из петель, потом развязали ноги и попробовали поставить в вертикальное положение. При этом вполне мирно интересовались:

– А ты не побежишь?

– А то у нас и луки со стрелами, и копья!

– Враз утыкаем, словно дикобраза иголками.

Виктор попытался говорить самым мирным и дружеским тоном, на какой был способен:

– Какой мне смысл бежать? Я тут сразу же заблужусь! Да и ноги затекли так, что стали словно деревянные. Пойдите хоть чуток, дайте кровообращение восстановить!

Четверо мужчин стояли возле него кругом, направляя острия своих копий прямо в лицо. Одеты они были так же просто и незатейливо, как и Кхети Эрст. То есть в одежды охотников раннего Средневековья. Рядом с ними пытались отдышаться два подростка, сбросившие тяжеленный двуручник наземь и поглядывавшие на него, как и на хозяина этого оружия, с неприкрытым страхом и уважением. Ну ещё бы, раньше легендарный меч за его Святостью носили по очереди сразу два совсем не слабых оруженосца, а тут такую непосильную ношу возложили на плечи несовершеннолетних мальчишек. Правда, один из них не погнушался ударить незна-

комца, подкравшись подло со спины. Поэтому Менгарец, скривившись от головной боли, не слишком-то и пожалел недорослей.

Попрыгал на месте, размял затёкшие пальцы ног вставанием на цыпочки и бодро заявил настороженно за ним наблюдающим провожатым:

– Я готов! Ведите меня к своим старшинам.

Естественно, что собственный меч нести ему не доверили, хотя теперь его на плечи возложили старшие мужчины неизвестного племени. И пока дошли к месту, пленника уже зауважали все без исключения. Потому что диковинное оружие пришлось нести всем по очереди.

Сам подход к посёлку оказался знатно замаскирован и расположен в расщелине между скал. Охранялся он тоже весьма усиленно: пятью лучниками, двое из которых оказались молодыми и вполне симпатичными девушками. А пройдя по узкому проходу, вся группа оказалась на окраине небольшой, но очень уютной долины. И практически по её центру виднелось компактное поселение, с несколькими большими домами, имеющими сходство с миниатюрными замками, и доброй сотней стоящих порознь строений. Самое интересное, что постройки в своём большинстве были не просто каменные и фундаментальные, но настолько древние, что сразу просматривался их возраст не менее чем в тысячу лет. Имелось, конечно, и достаточно много бревенчатых зданий, но они явно были сооружены в последнее столетие и носили вспомогательный характер, как то: сараи, склады или некие банные сооружения. А уставившийся на каменные здания инопланетянин подумал: «Не удивлюсь, если тут действующая канализация имеется!»

Казалось бы, полный нонсенс: полудикие охотники, бегающие по окрестным лесам с копьями и несуразными луками, проживают в таком удивительном, пережившем всепланетные катаклизмы месте. Уже в который раз здешний мир поразил Виктора Палцени своими тайнами и загадками. Но, с другой стороны, он сразу чётко осознал: раз его привели сюда, то, значит, он либо будет казнён, либо выйдет отсюда как облечённый полным доверием друг и союзник. Иного не дано. Что сразу накладывало определённый отпечаток на предстоящие переговоры.

Поэтому он, попутно рассматривая всё вокруг широко раскрытым правым глазом, стал мысленно прогонять самые соответствующие речи и обращения. Благо уже радовало, что язык оказался очень сходным и недопонимания во время общения не предвиделось. Встречающих людей удалось рассмотреть издали, их насчитывалось довольно много, не менее ста взрослых особей и в основном женщины. Виднелось и несколько ватаг ребятни младшего, так сказать, дошкольного возраста. Видимо, мужчины и старшие подростки занимались добычей, охраной и хозяйственными делами.

А вот последующие действия охотников предвидеть не удалось. Его завели, пожалуй, в самый мрачный дом с маленькими окошками, затолкали в пустую тюремную камеру и, не слушая бурных и сбивчивых требований, закрыли за спиной железную дверь. Правда, тут же в двери открылось окошко, и последовал приказ:

– Давай сюда руки! – Ножом перерезали верёвки и посоветовали: – Лучше не кричи, а спокойно жди своей участи. Иначе подкинем тебе сонных клопов, и будешь спать сутками как овощ.

– Да хоть накормите-напоите! – взывал пленник в закрывающуюся щель окошка. – Умираю от голода и жажды! Я ведь вам не враг!

– Ну, с этим проблем не будет, – донеслось из-за двери. – Получишь!.. Если не враг... По расписанию...

Сонных клопов и состояния овоща Менгарец не хотел. Хотя впервые слышал о подобных созданиях. Ну это и понятно: иной континент, иная живность. Да и толку кричать не было никакого: вряд ли кто услышит. Под самым потолком две узкие щели, дающие свет. Даже если до них добраться, вряд ли они выходят на лобное место, откуда воплям пленника захотят с почтением внимать обитатели этой дивной долины. Дверь тоже плечом не вывалишь, так что

о побеге и думать не стоило. Ну а скудная меблировка камеры вызывала лишь горький вздох безысходности. Два каменных возвышения в виде нар и на них всего один тюфяк, набитый сеном. А в правом углу от двери, за плотной полотняной загородкой, глиняный горшок с крышкой, явно применяемый для естественных надобностей.

Горшок сухой и чистый, тюфяк – один. Вонь или неприятный запах гнили тоже отсутствуют. Вывод: здесь преступников или провинившихся не бывает, а враги попадают довольно редко. Значит, оставалось только одно: улечься на тюфяке, который, кстати, оказался довольно чистым и приятно пах луговым сеном, да и отсыпаться впрок. Раз уж обстоятельства сложились таким образом, что не поддаются воздействию, то лучше и в самом деле выждать.

Проверил свои карманы и голенища сапог. Мелочь, кое-какие бумаги, несколько медалей и перстней с него сняли, кинжал с поясом, естественно, тоже. А вот один из метательных ножей в сапоге остался. Да и второй, видимо, не нашли, а он сам выпал во время несуровой транспортировки тела. Конечно, с таким оружием много не навоюешь, да и никак не стоило настраивать против себя аборигенов, но хоть что-то давало повод не считать себя совсем беззащитным. Осталась луковица часов, которые он засунул в потайной карман возле бокового, внутреннего шва брюк. Это он ещё успел сделать во время подготовки приближающегося урагана. А потом положил обратно после разведения костра на скалистой гряде. Хотя, по сути, и оставаясь на руке, влагонепроницаемые часы не поддавались никакой порче окружающей среды.

Ревизия закончена, можно и поспать.

Вот только смущали два вопроса. Первый касался возможной помощи со стороны катарги. Трудно такое представить, но если останки корвета занесло так далеко от пролива, то орлы, скорей всего, обломок с мачтой никогда не отыщут. А значит, и в округе хозяева небесного океана выискивать оставшихся в живых моряков эскадры не станут. Долину не найдут, пленника выручить не смогут. Да и вообще, после нескольких дней розысков посчитают Монаха Менгарца погибшим или в крайнем случае пропавшим без вести. Что есть одно и то же.

«Ржавчина на мою голову! – сокрушался Виктор, усевшись на тюфяк и прощупывая его внутренности. – А время-то уходит! Не фартит так не фартит! И что мне стоило по воздуху в Чагар отправиться? – запоздало и уже в который раз сожалел он. – А ведь ещё и здешние «недоумки» типа Кхети Эрста сдуру могут и в самом деле казнить как шпиона! Ха! И хорошо ещё, если казнят не на пустой желудок!..»

Это как раз и был второй вопрос, который смущал очень сильно. Вроде дело шло к обеду, но мало ли как у них кормят и по какому расписанию подают кусок чёрствого хлеба арестантам? Почему-то пленник и не сомневался, что пищу ему подадут самую неперевариваемую и залежалую. Так сказать, для стоворчивости. Подобные методы используют всегда и везде. И понимание этого факта заставляло вздыхать с ещё большей безнадёжностью и печалью.

Поэтому арестант даже вздрогнул от неожиданности, когда с грохотом открылась маленькая дверца. Ведь до того не удалось расслышать ни шагов, ни голосов в коридоре. И первой в дырке показалось не лицо надсмотрщика или иного визитёра, а довольно симпатичная деревянная ложка. Естественно, что пленник, только и мечтавший о корочке хлеба, поспешил к двери и попытался рассмотреть местного разносчика пищи. Немного мешали в этом деле поставленная глиняная миска с жидким супом, потом вторая с неизвестным мясом и овощами, а потом и громадная, опять-таки глиняная кружка с неким подобием кисломолочной сыворотки. Всё это бережно снималось и ставилось пленником на пол. Напоследок дали ещё и огромный кусище вполне свежего, дурманящего ароматом хлеба. А там и благодетеля удалось рассмотреть. Точнее говоря, благодетельницу.

Мало было сказать, что девушка красива. Она казалась очаровательной, страшно сексуальной, никак не соответствующей данному месту и её роли в этом событии. Огромные глаза на пол-лица, белокурые локоны, алые, чувственные губы... В другое время Виктор уставился

бы на такую красоту и долго, молча любовался, но сейчас ему следовало говорить и требовать как можно более быстрой встречи с местными старшинами.

Вот он и заговорил, произвольно сминая в руке мягкий кусище хлеба. И вещал о себе, о Первом Щите, о Шлѐме и о королевстве Чагар минут пять, пока в горле окончательно не пересохло. Внимательно его выслушав, красавица мило улыбнулась, а потом явными, понятными во всех мирах жестах дала понять, что она... глухонемая.

Ну и напоследок довольно беспардонно закрыла дверцу, чуть не прищемив нос очумевшего и растерянного арестанта.

Глава пятая

Недоразумения и испытания

Так и постояв около минуты в согнутом положении, уткнувшись лбом в железное полотно двери, Виктор наконец-то пришёл в себя, резко выпрямился, разочарованно фыркнул и поспешил насладиться предоставленным ему обедом, присев на пол прямо там же, возле мисок. Пока ел, размышлял о парадоксах внешности здешних жителей:

«Несмотря на крайнюю изолированность от остального мира, обитатели долины не выродились за прошлые поколения. То ли они настолько умело и правильно подбирают супружеские пары, то ли живут здесь совсем недавно. Иначе таких красивых девушек здесь просто не могло бы появиться. Да и мужчины у них пусть не крупные телом, но стройные, жилистые, вёрткие и быстрые. И лица... как бы правильнее сказать... не страдают отсутствием интеллекта. Скорей всего, у них и школа имеется, что сразу поясняет наличие на улице только мелких детишек да отроков для помощи старшим. Остальные, пока меня вели, наверняка усиленно грызли гранит науки. Хотя, может, я преувеличиваю, для них вполне хватает уметь читать или элементарно знать счёт до тысячи. Ага! Ещё и одежда последней красавицы поразила: довольно резко она по качеству и отделке отличалась от простых одеяний тех же стражей на входе в долину или охотников...»

Обед приговорил быстро, ну и понятно, что остался полуголодным. Кислого напитка, как ни странно, вполне хватило для утоления жажды, хотя изначально казалось, что готов выпить полведра, не меньше. Ну и по всем законам бытия, моментально потянуло в сон, что никак не противоречило здравому рассудку и желаниям исстрадавшегося тела. Потому и стал укладываться на бочок, чтобы как можно меньше касаться несчастным затылком пахнущего травой тюфяка.

Уже засыпая, Менгарец подумал: «Я один в тюрьме или есть ещё арестанты? Надо будет попробовать перестукиваться через стены, вдруг отзовется товарищ по неволе...»

Разбудила его вновь открывшаяся раздаточная дверца. Оказалось, что доставили ужин, и женская ручка указала пальчиком вначале на пустые миски и кружки. Только после возвращения пустой тары в окошко были поданы очередные не менее обильные, чем в прошлый раз, порции. Из чего можно было сделать вывод, что за явного врага пленника пока всё-таки не считают. Кормят, откровенно говоря, на оценку «очень хорошо!»

Но хотелось как можно быстрее решить свою судьбу. Поэтому Виктор попытался всеми доступными для него жестами и мимикой объяснить важность и срочность его встречи со старшинами. И ведь умел он очень многое. Чего только стоило его умение общаться свистом, которому он обучил катарги.

Но тут ничего не вышло: слишком маленьким оказалось оконце, и слишком красавица спешила по своим, неведомым постороннему человеку делам. Улыбнулась опять вежливо и приветливо да и закрыла окошко выдачи провианта.

Пришлось ругаться мысленно, потому что вслух это делать мешал полный рот. Ужин тоже оказался на славу, как и некий напиток в виде компота из сухофруктов. Но после приёма пищи благодушное настроение вкупе с прежней сонливостью так и не вернулось. Взамен пришла агрессивность вместе с раздражением и досадой. А там и совсем плохие мысли не задержались:

«Уж не на убой ли они меня откармливают? У некоторых каннибалов имелись подобные традиции: сожрать своего врага, чтобы стать таким же сильным, бесстрашным и великим, как он. Вдруг кому-то тоже возмечталось так же легко махать моим двуручником? А мощи-то и не

хватает!.. Ладно... чего это я себя накручиваю?.. Вроде совсем не похожи местные аборигены на людоедов... Так какого они эллипсоида меня на допрос не ведут?!»

Силёнки появились, левый глаз уже открывался наполовину, так что почему бы и не покричать? Продумав несколько пафосных, пышных, важных по существу и торжественных внешне фраз, Менгарец их выкрикнул несколько раз по очереди то в сторону оконных отверстий, то в дверную щель. Хоть и кричал во всю мощь лёгких, кажется, его старания пропали втуне: в ответ ни звука, ни грюка. Снаружи стало темнеть. Не прошло и получаса после ужина, как в тюремной камере наступила полная ночь. Хорошо, что видеть в темноте помогало ночное зрение, не пришлось на ощупь разглаживать сбившееся сено в тюфяке. Зато довелось с недовольным ворчанием укладываться спать.

И тут же послышались тяжёлые шаги нескольких человек в коридоре за дверью. По всем традициям и канонам зла плохие дела как раз и откладывают на ночь. Спрашивается: неужели старшины или кто там ещё не нашли времени поговорить с арестантом при свете дня? Поэтому пленник и насторожился, проверил метательный нож за голенищем сапога и собрался дорого продать свою жизнь в случае опасности.

Вошли в камеру, держа по факелу в руке, трое мужчин. Причём первый из них мог смело называться старшиной посёлка. Старый, ссохшийся, с седыми волосами до лопаток и со скрюченными подагрой пальцами. Два других оказались облачены в повседневные рыцарские одежды, в которых отсутствовали тяжёлые нагрудные пластины, сплошные наручи и шлемы. Но всё равно их облачение весьма и весьма напоминало облачение рыцарей княжества Керранги. Мечи, вынутые из ножен, оба рыцаря держали наготове. Тогда как старик в правой руке держал длинный, опасно поблескивающий кинжал с узким лезвием.

Рыцари встали у раскрытой двери, а старец остановился в двух шагах за ней. Он и стал говорить, начав не с приветствия, а с обвинения:

– Твоя ложь, незнакомец, раскрыта! По твоей вине погиб наш воин, ещё один тяжело ранен и, скорей всего, останется калекой. Так что вина твоя доказана, и мы лишь хотим услышать, что скажешь ты в своё оправдание.

Если пришедшие не шутили, а на скоморохов они никак не выглядели, то этикие беспочвенные и огульные обвинения явно тянули на преддверие к смертной казни. Скорей всего, и оправдываться будет бесполезно, а может и такое случиться, что данный момент будет потом расцениваться как самый удобный для побега. Это пришедшие в камеру воины самонадеянно думают, что их больше, они вооружены, поэтому даже развязанный пленник для них неопасен. Видимо, они не поверили рассказам Кхети Эрста о силе чужака, показанной во время истребления кашьюри. Но сам-то Менгарец вполне реально оценивал собственные силы и умения. Бросок ножа в горло более худощавого и жилистого рыцаря, одновременно с этим прыжок к седому, захват его кинжала с попутным сворачиванием головы и затем уничтожение второго рыцаря в течение двух секунд. Сценарий данной атаки был уже мысленно несколько раз прокручен в голове, и почему-то не возникало сомнений, что и из посёлка он легко доберётся в горы, а уже оттуда станет подавать дымные сигналы катарги, которые видят такие столбы за сотни километров.

И по большому счёту такой кровавый побег вполне себя оправдывал перед историей. Текущие важные дела и проблемы всей планеты по своей важности затмевали жизнь даже десятка невинных, а уж тем более агрессивных настроенных и глупых аборигенов.

Только вот совесть и гуманизм не позволили воспользоваться нужным моментом, а разум попытался отыскать самые нужные слова и действия в ответ на беспочвенное обвинение. Ну и самая лучшая защита – это нападение. Пусть даже и в словесной дуэли:

– Как только вы посмели обманом и коварством пленить одинокого путника! Вместо того чтобы оказать помощь потерпевшему кораблекрушению, вы подло его оглушаете и тянете в этот ваш городишко, который ему и даром был не нужен! Мало того, вы его ещё и нагло обвиняете в

какой-то лжи и приписываете вину в гибели и ранении воинов! Да что же это такое творится в ваших местах?! Существует ли здесь справедливость и здравый смысл?! Почему вашим воинам было сразу меня не спросить, кто я такой, да и не отправить лесом в любую сторону?

Внешне пришедшие аборигены от такой отповеди ни чуточки не смутились, но в голосе старика всё-таки послышалась определённая неуверенность:

– Экий ты нахал! Ещё и нас обвиняешь?.. А зачем тогда шёл к Воротам?

– Понятия не имею, о каких Воротах идёт речь! И шёл я по кратчайшей прямой от берега. Просто пытался углубиться в лес и уйти подальше от кашьюри. Мало того, я даже не ведал, что передо мной озеро, полное этих зубастых тварей, и чуть не попал в ловушку. Так что вывел меня из неё всё тот же ваш подленький и глупый Кхети Эрст. От него только требовалось указать мне верную дорогу вдоль русла Саарги к Речному проливу, а не заговаривать мне зубы для неожиданного пленения. Или вы тут специально ловите заблудших людей, а потом съедаете их на праздничном ужине?

Седой старшина враз осерчал:

– Что ты мелешь, чужак?! Как у тебя язык поворачивается изрекать такие кощунства?!

– А что ещё может подумать невинный путник, которого обвиняют неизвестно в чём?! – тоже повысил голос арестант. – Тем более что врагов у меня на Втором Щите нет, я сам здесь оказался впервые только вчера, когда очнулся привязанный к мачте разрушенного корвета...

– Вот в этом и есть твоя главная ложь! – радостно вскричал главный обвинитель. – Мы попытались пройти по скале к её оконечности и посмотреть, что там осталось от твоей большой лодки. Но там нельзя пройти! Самому лучшему отряду это сделать не удалось, и, потеряв одного человека в стычках с кашьюри, они были вынуждены отступить.

– Ещё бы не отступили! – возмутился обвиняемый. – Да я там этих тварей десятков пять настрогал, если не больше. Поэтому с соседних болот иные чудовища и подтянулись на запах крови. А до того к моему костру только к утру пара заблудших кашьюри пришла. Чего им на голой скале делать, если там никто не бывает и ничего не растёт? Вот признайся честно, старикан, раньше ведь можно было пройти на оконечность скалы? Или по крайней мере оттуда пробежаться к лесу? О! По глазам вижу, что можно! Так что за наивные и глупые обвинения? – после чего, не дожидаясь следующих слов и делая вид, что уже полностью оправдался, стал переводить беседу, если её можно было так назвать, в приемлемое для него русло: – Кстати, вам известен Уйдано Лайри?

Старец после озвучивания имени лидера Второго Щита озадаченно нахмурился, оглянулся на молчаливо стоящих рыцарей, словно прося совета, и задал ответный вопрос:

– А что тебе с этого?

– Как что?! Это же мой союзник, добрый приятель, соратник по борьбе с рабовладельческой империей Сангремар! – воскликнул Виктор.

И принялся весьма красочно описывать последние события, которые произошли на Шлэме и в разделяющем континенты проливе. А так как свои речи он уже не только вслух озвучивал, но и сотни раз мысленно прокручивал, то получилось очень и очень забористо, доходчиво, правдиво и опять-таки пафосно. А судя по лицам слушателей, одна только уверенность, что от кашьюри в скором времени планета очистится полностью, вызвала наибольшую положительную реакцию.

Один из рыцарей даже не удержался от радостного восклицания:

– То-то мы смотрим, что уровень воды в реке упал на пару метров, а течение стало ускоряться!

– Вот именно! А когда мы разрушим ещё и вторую дамбу в устье пролива Стрела, – размахивая руками, ораторствовал Менгарец, – то останется уничтожить специальными ядами всех монстров, которые расселились у вас по болотам. Да их после падения уровня реки ещё на пару метров и повторного ускорения течения и так сразу станет вдвое меньше. Если не втрое! И

заболоченные поймы рек станут осушаться, особенно в их устьях. А это какие огромные, плодороднейшие земли вернутся к людям и позволят сразу победить любой голод и недоедание.

Его выступление произвело всё-таки должное впечатление. Пришедшие явно посматривали на него с симпатией и доверием. Оставалось, закрепляя успех произнесённой речи, поинтересоваться: «Куда меня поселят на ночь?» Да только судьба и дальше хотела поиздеваться над лишенцем, подкидывая ему всё новые и новые жизненные пакости.

Из коридора на свет неожиданно шагнуло ещё два седых старца, волосы у которых уже доставали чуть ли не до пояса, а возраст не давал распрямить полусогнутые тела на всю высоту. И руки только могли опираться на тонкие посохи. За вошедшими старшинами маячили четыре воина, одетые в более простые, кожаные доспехи, но от этого кажущиеся не менее опасными.

«Вот оно как?! – мысленно удивился Виктор. – Значит, они оценили меня верно и перестраховались по полной программе. Хорошо, что я не вздумал бежать со смертоубийствами... Хотя ещё ничего не известно. Уж больно лица у этой пары стариканов злобные и строгие. Чего им ещё вздумалось на меня взвалить из обвинений?..»

– Ты хорошо выкручивался и складно говорил... – пробормотал один из новой парочки седовласых. И ему в тон вторил другой:

– Но ты чужак и в любом случае должен заработать наше доверие...

– Даже если ты совершенно невиновен перед нами...

– Ты должен сделать жест доброй воли...

– И открыть своё сердце для любви и добра...

Менгарец не выдержал их монотонного бормотания:

– Да моё сердце открыто для любого дружеского общения! А уж жест доброй воли я готов совершить хоть сей момент. Только скажите, какой именно?

Старцы перешли вообще на заунывный, можно сказать, зауспокойный тон:

– Эту ночь ты проведёшь здесь, подвергаясь испытаниям...

– При этом обязан будешь вести себя как истинный мужчина...

– Как настоящий продолжатель рода человеческого...

– Выполняя волю и пожелания высших сил сотворения мира!..

Пока они это бормотали, первый старец и оба рыцаря поспешно удалились, а остальные воины занесли в камеру небольшой столик и довольно плотно устали его отменно пахнущими блюдами, закусками и внушительным кувшином. Затем кряхтя от натуги, внесли широкий таз, похожий на половинку огромной бочки, в котором бултыхалась вода. На проушину таза повесили несколько полотенец, а на тюфяк положили стопку из нескольких льняных простыней. В финале этого странного аттракциона не то щедрости, не то жалости установили на стол маленький огарок свечи и подожгли его. По идее он должен был гореть не более чем полчаса.

На него и ткнул один из старцев скрюченным от ревматизма пальцем:

– У тебя личного времени – пока не догорит свеча!

И покинул тюремную камеру вместе со своим коллегой. Проворные воины тоже удалились беззвучно, только и громыхнула закрываемая за ними дверь. Пленник остался стоять на месте, запоздало сожалея, что не кричал, не требовал и не доказывал. Хотя сразу осознавал: ничего бы крики не помогли. А вот некие подозрения насчёт предстоящих «испытаний» зародились в голове, словно назойливые комары:

– Неужели?! – бормотал он, принимаясь к поданным кушаньям. Несмотря на недавний ужин, запахи опять резко разбудили аппетит. – Или меня и в самом деле хотят накормить, потом заставить добровольно помыться, а уже потом потянут поджаривать на костре?.. М-да! И ведь никак грядущего не избежать! Или всё-таки следовало сделать попытку к побегу? Без ножа? Пройти этих вояк врукопашную?.. Нет... ведь «омолодителя» рядом нет. А зна-

чит, лучше уж пройти «испытания»... Видимо, чужаки здесь – огромная редкость!.. Если я, конечно, сделал верные предположения... Иначе...

Подкрепился быстро и знатно. Удивляясь, что добрые две трети изысков так и остаются на столе и при всём желании их в себя не впишешь. Затем, косясь на догорающий огарок, раскинул простыни на арестантском ложе и быстро помылся. При водных процедурах громко и вслух не стеснялся жаловаться, что вода ледяная, могли бы, мол, и подогреть. Почему-то присутствовала уверенность, что его подслушивают, а то и подсматривают за всеми действиями.

Чтобы согреться, пришлось тщательно растирать тело полотенцем. Но тут и огарок погас окончательно, пришлось на ощупь добираться до своей кровати, укладываться там и накрываться оставшейся простынёю. Понятное дело, что одеваться арестант не стал, притворяться настолько тупым не позволила совесть и чувство собственного достоинства. И готовящуюся к визиту личность обижать не имел права. После чего в тюрьме минут на десять повисла полная тишина. Уже и надежды в голове стали рождаться, что ничего больше не будет и удастся спокойно выспаться, но не тут-то было! Тихонько скрипнула дверь, а потом и закрылась без привычного грохота. А к арестанту стала приближаться женская фигура, закутанная по грудь в некое покрывало, простынь или в сари.

Естественно, что никто из местных аборигенов и не догадывался, что Монах Менгарец обладает уникальным зрением и вполне сносно видит в темноте. А признаваться в этом он не торопился. Зато сам теперь мог видеть и не опасаться, что к нему подкрадывается некая жрица с заготовленным кинжалом и готовящаяся к некоему кровавому жертвоприношению. И уже с расстояния в метр чётко рассмотрел лицо той самой красавицы, которая приносила ему обед и ужин. В ладонях у неё ничего не было, а когда она уверенно нащупала каменные нары, то сбросила с себя и последние одежды.

Нащупала простынь, откинула её и с явным стеснением попыталась улечься рядом. При этом, касаясь разгорячённого мужского тела, вздрагивала, словно лист под порывами ветра. А по выражению лица, которое перекошилось от страха и растерянности, можно было понять: девушка не только глухонемая, но ещё и весьма далека от понимания и должного восприятия постельных утех. Если вообще не девственница.

«Да уж! Воистину испытание! – мысленно возмущался мужчина. – Если они так бдят о здоровье своего рода, то могли бы кого и постарше, поопытнее выделить для вливания новой крови. Я бы сделал своё дело и спал бы смело! А что теперь?.. И ведь нельзя испугать малышку, никак нельзя ей привить отвращение к сексу... Потом ей всю жизнь придётся мучиться... И так несчастная...»

И если бы только эти трудности грозили провалом «испытания». Вполне естественно, хоть и несвоевременно нахлынули воспоминания о прекрасной, горячо любимой Розе. Она там ждёт, наверняка опять будет страшно опечалена очередным известием о его гибели, а он тем временем жив, сыт да ещё и готовится к близости с совершенно незнакомой ему женщиной. Ну как тут не взвоешь из-за отчаяния? И как выкрутиться из-под неожиданной лавины неприятностей, боли и горестей, которую подстроила жестокая Фортуна?

А ведь старшины городка, пекущиеся о здоровье огромной, изолированной от остального мира семьи не шутили и не просили. Они требовали. Они напоминали о высокой обязанности продолжения человеческого рода. И если девушка отсюда выйдет разочарованной, обиженной или униженной, то могут седовласые сморчки и осерчать окончательно. Что им какой-то чужак с иного континента? Что им мировые проблемы и всемирные преобразования? Им только своя рубашка ближе к телу. Так что могут и на костёр пристроить в сердцах. Или, скажем, в трясину сбросить за непослушание и несоответствие высокому званию «мужчина».

Пришлось соответствовать. Да ещё по самому высшему уровню.

Вначале просто прикосновения и поглаживания. Потом ласковые, успокаивающие слова... И не важно, что глухонемая девушка их не слышит. Она просто касалась ладошками

его груди и ощущала равномерную, расслабляющую вибрацию мужского голоса. Затем первые, очень осторожные и деликатные поцелуи... И только на втором часу дело пошло к тому, зачем собственно и устраивалось всё ночное действо. А когда всё закончилось, гостя минут пять крепко-крепко обнимала Виктор, а потом ушла хоть и опечаленная расставанием, но жутко счастливая и окрылённая новыми познаниями чувственного удовольствия.

Как это было ни странно, Виктор проводил свою партнёршу с некоторым сожалением и возродившимся повторно желанием. А чтобы как-то загасить проснувшееся томление в чре-слах, вновь подался к столу и, вспоминая прошедшие два часа, стал перекусывать. Да так и замер в какой-то момент, заметив, как дверь открывается повторно.

«Неужели красавица возвращается?»

Потом вспомнил, что в полной темноте его вряд ли кто видит и наверняка думает, что он остаётся на своём арестантском ложе. Так и оказалось. Вошедшая женщина, выставив руки вперёд и семеня маленькими шажками, двинулась в сторону нар. Причём это была уже новая женщина! Лет двадцати пяти, с более пышными и солидными формами тела и тоже с довольно-таки симпатичным лицом.

«Э-э-э!.. Да тут «испытание» грозит на всю ночь продлиться! – мысленно вскричал Менгарец, тем не менее обгоняя гостью вдоль стены и усаживаясь на простецкое ложе. – Неужели за дверью нескончаемая очередь собралась? Тогда в любом случае я живым не останусь...»

Но на этот раз всё получилось гораздо более быстро и деловито. Женщина оказалась вполне умелой и нисколько не стеснялась собственной инициативы. Поэтому и сама получила массу удовольствия, и мужчину ублажила по полной программе. Причём не стеснялась кричать в моменты наивысшего наслаждения, и частенько шептала вполне милые, трогательные признания в том, что чувствует и что хочет в тот или иной момент. Так что очередной час пролетел незаметно.

При расставании мужчина попытался задать несколько вопросов:

- Как тебя зовут, милая?
- Мне запретили об этом даже заикаться...
- А кто придёт после тебя?
- Об этом мне и знать нельзя. Только старшины ведают...
- А что бы ты хотела от меня в подарок?
- Ребёночка, конечно же! И очень надеюсь, что он у меня будет.

После этих слов женщина ушла. Ну а Виктор, догадываясь, что это ещё не всё, поспешил освежиться ледяной водичкой да как следует промочить горло оставленным напитком. Похоже, его действия были услышаны и полчаса не мешали. А потом явилась ещё одна визитёрша. По сравнению с предыдущими женщинами она несколько проигрывала в росте, пышности форм и в возрасте. Хотя выглядела не старше тридцати и имела вполне спортивную, подтянутую фигурку.

Подойдя к нарам, она не стала ощупывать постель руками, а просто спросила:

– Ты где?

Так и продолжая недвижимо лежать, мужчина ответил:

– Здесь...

– Тогда слушай и решай, – прошептала гостя, склонившись, явно не желая, чтобы их подслушали. – Я вполне здорова, как утверждает наш знахарь, и у меня уже были мужчины. Достаточно много мужчин... Но ни разу мне не удалось забеременеть, как и сколько раз мы ни старались. Остаётся только один шанс понести от мужчины совершенно иного рода, поэтому я к тебе и пришла... Правда, и старшины на этом настаивали... Но я не хочу тебя заставлять! Если ты не желаешь или не сможешь меня оделить своим мужским вниманием, скажи, я тут же уйду... Тем более что могу тебе проговориться: после меня тебя уже никто не побеспокоит.

Тон у неё был решительный, гордый и уверенный. Что совсем не соответствовало выражению её лица. Слёзы лились у неё из глаз постоянно, и она вытирала их поочередно руками, а потом об намотанную вокруг торса простыню. Щёки и уши горели жаром желания и кипящей страсти, а губы вздрагивали от последней, самой сокровенной надежды всё-таки испытать радость материнства.

И мужчина, уже с некоторым облегчением собиравшийся попросить женщину уйти, вдруг решил ещё на одно безумное действие:

– Ложись рядышком... Мы вначале просто полежим... – ощутил горячее желанием тело, пытающееся к нему прижаться, философски добавил: – Поболтаем... Ты мне расскажешь о себе...

– Не имею права!

– Ну тогда хоть расскажи про посёлок. Кто здесь жил тысячи лет назад? Почему построен? И почему именно в этом скрытном месте?

Женщина некоторое время молчала, глядя Виктора ладошкой по груди, а потом с грустью пробормотала:

– Ты знаешь, я совершенно уверена, что утром тебе предоставят свободу и расскажут всё, что ты спросишь. Всё-таки старшины нисколько не сомневаются, что тебя ждут великие дела на иных материках... Хотя будут ещё выжидать и проверять... Ну а мы... – Она без стеснения начала водить ладошкой у него ниже живота. И даже застонала от соприкосновения с возбуждённой плотью: – О-о-о!.. Ну а нам уже пора заниматься делом... Поболтали – и хватит!

Очередной час пролетел, словно отрезок в несколько минут.

А когда третья партнёрша ушла, окончательно обессиленный герой так больше и не встал со своего ложа. Провалился в сон.

Глава шестая

Новые тайны

Утром пленника никто не будил, и похоже, что он остался без завтрака. Такое, по крайней мере, сложилось впечатление. Да и время на часах ясно показывало: уже и обед на носу.

«Если последняя красotka не соврала, то вроде как больше «испытаний» не будет и должны меня выпустить на свободу, – недоумевал арестант, с некоторой брезгливостью рассматривая оставшиеся после ночного обжорства кушанья. – А почему не выпускают? Совсем свою совесть старые сморчки похоронили?!»

Таковыми и подобными возмущениями накрутил себя до нужной кондиции и, надрывая глотку, стал кричать то в сторону окошек, то в дверную щель:

– Выпустите меня немедленно! Вы не имеете права меня содержать среди преступников! Вспомните о честности и справедливости!

То ли криками довёл, то ли и в самом деле пришла пора его освобождения, но вскоре открылось окошко, и стала видна вполне знакомая физиономия Кхети Эрста. Несколько раз шумно выдохнув, он с явной неохотой стал вещать:

– Если ты поклянёшься не отходить от меня дальше чем на два метра и выполнять все мои распоряжения, то я могу тебя выпустить из этой тюрьмы.

Кажется, ему дали не почётное право присматривать за чужаком, а скорее наказали таким странным образом за предыдущие опрометчивые действия. Но уж самому арестанту выбирать не приходилось, а скандалить и кричать неизвестно в чьи уши ему надоело. Поэтому он сразу, без раздумий и торговли, согласился:

– Клянусь! – Когда дверь открылась, он изначально еле сдержал в себе порыв заехать кулаком по недовольной роже своего опекуна, но вовремя задавил вспыхнувшую обиду. Только кивнул в сторону столика с остатками роскоши. – Забираем с собой на пикник?

Значение слова «пикник» охотник понял скорей частично. Потому как скривился и, стараясь не коситься в сторону смятых простыней, пробормотал:

– Праздновать вроде нечего... А тут... женщины сами уберутся... Идём за мной, покажу, где спать и столоваться будешь.

Естественно, что просто так идти за подлым обидчиком и молчать Менгарец был не в силах. Хоть и опять принялся во все глаза рассматривать посёлок этакого городского типа, но вопросы постоянно задавал самые въедливые и ехидные:

– А двуручник за мной кто будет носить теперь?

– Не положено тебе пока оружие!

– Странно... Ты вон ходишь с оружием и до сих пор не зарезался. Ха-ха!.. Слушай, Кхети, а как тебе без жены и детей живётся?

– Да есть у меня жена... – угрюмо хмурился тот. – И детей трое...

– Надо же! Мне казалось, что с таким, как ты, ни одна женщина жить не станет. Ты ведь и оглушить, а то и убить ненароком можешь...

Охотник на это промолчал, но желваки вздулись, и послышался явственный скрип зубов. Но его подопечный и не думал остановиться в своих издевательствах:

– А дети у тебя чьи? Небось приёмные сиротки, которым и жить-то негде?

Они как раз дошли до одного весьма солидного и огромного дома, огороженного скорей декоративным забором, чтобы домашняя скотина далеко не разбрелась. И тут охотник не выдержал, уткнулся лицом в лицо Менгарца и зло заговорил:

– Ты давай кончай надо мной издеваться! Я ведь только о детях своих и соседских думал, когда тебя в первый раз увидел. И представил себе, как ты своим мечом наших лучших рыцарей

убиваешь. Точно так же легко и небрежно, как самых жутких и страшных болотных чудовищ. Вот потому и побоялся сам решать твою судьбу и не смог отпустить тебя на все четыре стороны. А сейчас не побоюсь и скажу: что да, был не прав! И даже прошу у тебя прощения, что дал команду отроку тебя оглушить ударом дубинки сзади. Хочешь прощай, хочешь нет, но, если ты ещё хоть одно поганое слово о моих детях или жене скажешь, я тебе сам зубами глотку порву. Понял?

Будучи хоть немножко и ниже ростом, Виктор не сомневался, что легко справится с охотником. Но сейчас осознал, что несколько перемудрил с попытками достать и хотя бы морально отомстить незадачливому аборигену. Так и самому недолго в скота превратиться. Поэтому попытался улыбнуться и миролюбиво ответил:

– Ладно, за удар по моей голове прощаю. Да и ты меня извини за излишнюю жёлчь в твой адрес. Хотя скрывать не стану: затылок у меня до сих пор побаливает даже от прикосновения ветра.

Кхети Эрст, облегчённо вздыхая, развёл руками:

– А что делать, у самого сердце болит, как вспомню... Но неужели тебе мазью лечебной не помазали? Почему не признался-то сразу, что болит?

– Хм! А меня кто спрашивал? Вы же сами меня сразу в тюрьму затолкали, и всё. Хорошо, хоть не били больше да покормить не забыли...

Про ночные «испытания» он и словом не обмолвился. Но похоже, что это для некоторых поселчан не было собой тайной. Стараясь скрыть непроизвольную улыбку, охотник толкнул рукой калитку в заборе, приглашая за собой во двор:

– Вот и дом нашей семьи. Будешь пока жить и столоваться с нами, а спать в одной комнате с моим дедом по материнской линии. Вот с этим самым...

И он указал рукой на сидящего на веранде массивного, но совсем не толстого старика. Судя по морщинам, ему могло быть и все восемьдесят лет, но при дальнейшем знакомстве выяснилось, что только шестьдесят пять. Хотя и данный возраст в среде аборигенов считался весьма заслуженным и редким. Ещё более редким оказалось прозвище старика, которое издавна закрепилось за ним вместо имени и никак не соответствовало его габаритам. Называли его Сухарь, разве что в некоторых уточняющих случаях добавляли Большой. И этот Сухарь в данный период считался лучшим инструктором и учителем для рыцарей, носящих тяжёлую броню. И видимо, имел немалый вес в общественной жизни посёлка.

Он усадил пришедших мужчин рядом с собой, а после знакомства стал с пристрастием выспрашивать у мужа своей внучки:

– Ну и почему Виктора не освободили полностью?

– Таково решение старшин, – пожал плечами Кхети. – Ну и для окончательной проверки всего сказанного нашим... хм, гостем послали сегодня утром посланника к Уйдано Лайри.

– Ага! – обрадовался Менгарец. – Значит, вам всё-таки этот вождь известен и вы имеете с ним связь?

На этот вопрос ответил заулыбавшийся Сухарь:

– Ха! Да этот Рыжий проныра и наши Ворота сумел в своё время разыскать. И воинов наших на правах короля, а то и императора требовал для похода на Шулпу. Да потом понял, что ничего не получит, потому что мы тут и сами постоянно воюем, и предложил взамен свою защиту и покровительство. Хитрюга!..

Но судя по тону, старый рыцарь очень сильно симпатизировал лидеру Второго Щита. Что доказал своим ревнивым ответом его внучатый родственник:

– Да никакой он не хитрюга, а самый настоящий аферист и пройдоха! Никакой помощи мы от него не получили. Говорят, что он пол-армии в войне положил, а назад возвращался с видом победителя.

– Во-первых, не пол-армии, а намного меньше, – вмешался свидетель и участник всех событий, поглядывая на собирающихся на веранде взрослых и подростков. – А во-вторых: главная цель кампании всё-таки была достигнута, рабовладельческая империя свергнута. И это самое главное.

После чего сделал краткий обзор всех творимых Гранлео безобразий, особо останавливаясь на методе разведения кашьюри и скармливания им человеческого мяса. Как-никак, но говорить и высказывать собственное мнение ему никто не запрещал, и если есть возможность, то почему бы не просветить серые массы народа?

Народ после такой политинформации оказался впечатлён. Хотя общая суть войны, а также её итоги им были известны. Но, видимо, только в общих чертах, подробности и многие важные детали они никак знать не могли и теперь отреагировали вполне адекватно: возмущению не было предела, а на Монаха из монастыря Менгары обрушилась лавина вопросов. Пришлось бегло и с терпением отвечать на большинство из них.

Да только поднявшийся базар и галдёж не понравился Большому Сухарю. Минут десять он сдерживался, а потом рявкнул:

– Разойтись! Занимайтесь своими делами! Потом всё узнаете. А мне надо с гостем переговорить о делах рыцарских.

Никто из родственников перечить не стал, разошлись. Но за столом помимо Кхети осталось ещё двое взрослых мужчин, которые явно имели все права и ранги для участия в любой беседе или деловых переговорах. Ну а старый рыцарь перешёл к вопросу, который его наверняка интересовал больше всего:

– Господин Менгарец, прошу всё-таки разрешить мои наибольшие сомнения...

– Всё, что в моих силах! – с готовностью ответил тот.

– Вот-вот, как раз об этих силах и речь, – начал старик, косясь на мужа своей внучки. – Мы, конечно, нашему Кхети верим, парень он славный и честный, но его рассказ о твоём прорыве через колонны монстров, нас... э-э-э... как бы это сказать... поразил. Мало того, мы тут сегодня с утра пробовали твоим двуручником помахать, так ни у кого толком не получилось. Ну, там пару раз крутануть ещё так-сяк, но чтобы долго?! Да ещё и одной рукой?!

Виктор не смог удержаться от смешка и признался:

– Да я сам порой поражаюсь, как мне с таким громадным мечом управляться удаётся. Один учёный муж, некогда старец из прославленного монастыря Дион, а ныне Верховный управляющий Шулпы по Магическим Обрядам, утверждает, что эти умения у моего тела наследственные. От каких-то великих предков достались.

– Да-а? – протянул недоверчиво Сухарь. – Надо же, какие чудеса творятся... Но для боя не только умения нужны, но и сила. А внешне ты... не смотришься никак на силача.

– Вон оно что! Хотите, чтобы я продемонстрировал? – догадался Менгарец, поняв, что меч или в доме, или где-то рядом, раз им сегодня пробовали упражняться местные рыцари.

– Да уж больно глянуть хочется, – признался Большой. – Покажешь? Или ночью из тебя все силы высосали... допросами и пытками?

«Кажется, о моих ночных деяниях в посёлке только маленькие дети не знают, – констатировал Виктор. – Разве что имена женщин им неизвестны... пока. Со временем всё равно поймут...»

– Силёнок хватает, – сказал вслух, – кормят у вас отменно. Да и сколько там тех допросов было? Я бы мог и до утра продержаться... А где меч-то?

Старик назвал какое-то имя, и вскоре два подростка, один из которых вчера и саданул гостя издали дубинкой по голове, принесли легендарный на Первом Щите и на Шлёме двуручник.

Правда, ещё до того как меч оказался в руках у своего хозяина, Кхети Эрст недовольно проворчал:

– Старшины запретили ему давать в руки любое оружие.

– Пусть занимаются своими делами по укреплению потомства, – равнодушным тоном начал Сухарь. А вот закончил уже зло и авторитетно: – А здесь мы сами разберёмся. Ну? Готов?

Подкидывая ласково лезвие меча на ладони, Менгарец спустился во двор, осмотрелся по сторонам и указал взглядом на одинокий столб, который, скорей всего остался от каких-то детских качелей, а сейчас к нему тянулась одинокая и пустая верёвка для белья:

– Не жалко?

– Рубить попробуешь? – поразился старый рыцарь. – Так ведь меч сломаешь! Или ты собираешься ударов за двадцать это сделать?

– Нет. С одного удара.

– Ха! Воля твоя, пробуй.

После такого разрешения все свидетели предстоящего показа заулыбались: бревно было сантиметров пятнадцати в диаметре. Только один Кхети улыбнулся совсем иначе, ещё и хмыкнул при этом, как бы говоря: «Ну-ну! Сейчас я вам припомню ваше недоверие и обвинения во лжи!»

Ну а владелец дивного оружия начал, как обычно, с лёгкой разминки, подстраивая тело под боевой ритм и постепенно разогревая мышцы рук и всего торса. Вначале покрутил меч двумя руками, затем устроил вращение и восьмёрки каждой рукой по отдельности. Когда почувствовал полное слияние с двуручником, выдал десяток приёмов наивысшего фехтовального искусства и только потом, постепенно приблизившись к столбу, набрав нужный разгон и должную силу инерции, нанёс завершающий удар. Ствол довольно сухого, давно используемого людьми дерева оказался срублен наискосок на уровне пояса с мелодичным звуком, напоминающим звон колокола. И какое-то время верхняя часть обрубка просто перпендикулярно сползала вниз. Потом сказалось натяжение верёвки, и обрубок завалился в сторону.

Первым полюбовался и даже погладил ровный срез сам Менгарец. При этом чуть не обжёгся: настолько горячим оказался участок среза. Потом то же самое делали, оживлённо переговариваясь, и все остальные. А в финале этого показательного урока мастерства Сухарь тщательнейшим образом осмотрел лезвие меча и восторженно огласил:

– Ни единого скола или зазубрины! – Ну а когда все высказались, совсем иным тоном обратился к дорогому гостю: – Счастлив, что удалось увидеть подобное собственными глазами, и горд, что будем жить некоторое время в одной комнате. Пошли устраиваться? Тем более что и обедать скоро позовут, – заметив переглядывания героя с мужем его внучки, беззаботно махнул рукой. – И меч теперь можешь сам носить. У нас тут без оружия никак нельзя. А если надо, мы за тебя всей семьёй поручительство дадим.

Честно говоря, ношение неудобного и длинного двуручника не сильно-то и прельщало. Но неоднократное упоминание о военных действиях заставило Виктора, пока ему показывали комнату, кровать и прочие удобства, поинтересоваться более конкретно:

– А с кем же вы воюете, если про ваш посёлок никто не знает? Неужто ещё кто-то кроме Уйдано Лайри о вас ведаёт?

Большой Сухарь начал с заявления, что от наружных врагов жители Ворот только с помощью дозоров на тропе отбились бы. Главная беда, проблема и головная боль таилась в ближайшем горном образовании, в которое упиралась долина своей восточной оконечностью. Там жила иная, изолированная от всего остального мира общность людей, которые во все века претендовали на право владения древними постройками. Каждый раз они изнутри пробивали новый тоннель или раскапывали завалы в старом и выпускали в долину отряд своих рыцарей ровно в сорок воинов. Если половина из них погибала, то остальные быстро отступали, а ждущие их в тоннелях соплеменники быстро заваливали глыбами проход перед преследователями. Порой удавалось уничтожить все сорок врагов до единого, но такое случалось раз в столетие.

Война велась постоянно, с непрекращающимися жертвами и с тупым безумием. Причём нападающие в своём большинстве проживали в глубоких пещерах и подземных рукотворных посёлках. Имели огромные бороды до пояса, широкие плечи и сражались словно берсерки.

Услышав всё это, Виктор не удержался от удивлённого восклицания:

– Гномы, что ли?! – ещё и рукой показал на уровне своего пояса.

– Скажешь такое! – возмутился старый рыцарь. – Почитай, все с меня ростом и мощью будут. А так как в их подземном городе наверняка древние люди несметные количества железа и брони оставили, то и на нас они выходят закованные в сталь настолько, что их почти никакие стрелы не берут. Честно говоря, всё наше оружие, латы и шлемы – всё трофейное. Ещё и лишнее порой на сторону продаём. Ни мы, ни соседи в иных королевствах делать такое не умеют.

Гость в недоумении пожал плечами:

– Очень странно. Война у вас какая-то неправильная... Если пещерных людей так много, то почему они вас одним ударом не сомнут? Почему всем скопом не навалятся? Ну и с другой стороны, раз там у них в подземельях столько стали и сокровищ, то почему вы соседей в единую армию не соберёте и горы с землёй не сровняете? Неужто на военные трофеи никто не польстится?

На это у ветерана тоже имелись логичные и резонные ответы. Вначале поведал о пещерных людях, что было известно. В плен те никогда не сдавались, а если удавалось их захватить силой, то всё равно умирали в полном молчании через несколько дней. При этом они впадали в непонятную кому и не реагировали на боль, крики или любые иные внешние раздражители. По итогам многолетних наблюдений и сделанных аналитических выводов удалось примерно понять сам смысл числа сорок и то, что люди подземелий не рвутся сюда всем скопом. Получалось, что в долину отправлялись воевать только проштрафившиеся зрелые воины. А то и вообще преступники. Имелась версия, что в число сорок входили только добровольцы, но и она, как и предыдущие, ничем конкретно не подтверждалась.

Задача у четырёх десятков накачанных яростью берсерков была только одна: захватить посёлок, уничтожив всех его защитников. Затем планировалась некая иная, неведомая фаза агрессии.

Потом господин Большой перешёл к внутренним причинам. Во-первых, о местонахождении Ворот знали в остальном мире считанные единицы. Что в принципе и помогло во время тысячелетнего рабства под гнётом империи Сангремар. Сборщики рабов никогда не появлялись в долине, ну а соседние племена и человеческие сообщества сами выживали с огромным трудом. Куда уж там оказывать какую-либо военную помощь никому не известным, таящимся в горах людям.

Ну и, во-вторых: община данного посёлка жила и руководствовалась жёсткими правилами и законами, доставшимися им от предков. При этом строго насаждалась полная самоизоляция от остального мира и жёсткая оборона непосредственно посёлка от агрессивных посягательств кого бы то ни было. И естественно, что сама по себе идея самоизоляции была абсурдна, вряд ли бы она продержалась в сознании многие века, но имелся и некий финальный этап, на который в законах указывалось отдельно. Дескать, все тайны посёлка и он сам можно передать во владение только тех людей, которые прилетят со звёзд. А они-то уже и сами скажут, что делать и как жить доблестным хранителям Ворот дальше.

Как только Палцени услышал такое, то чуть не запрыгал на месте от озарения:

– Надо же! И название какое многозначительное – Ворота! Как же я сразу не сообразил?! А что за тайны здесь охраняются?

При этом он жутко пожалел, что сразу не рассказал всю правду о себе. А именно тот факт, что он сам родом с далёких планет, а здесь случайно оказался после крушения космического корабля и счастливого спасения.

И вполне понятно, что предвидел ответ Сухаря:

– Увы! Наш дорогой и почётный гость! Ответить на этот вопрос я не могу, да и знал бы, не ответил. Закон гласит чётко: только люди, прилетевшие со звёзд, узнают и смогут правильно понять все тайны данного места. Остальных заказано не пущать и разворачивать на дальних подступах к долине.

Когда это прозвучало, инопланетянин не удержался, чтобы не уточнить:

– То есть если вдруг Уйдано Лайри укажет конкретного человека, прилетевшего на эту планету, то вы ему поверите и допустите к тайнам?

Сухарь настолько разволновался, что покраснел, а лоб покрылся капельками пота:

– Неужели существует человек со звёзд?

– Несомненно! И лидеру вашего континента он знаком лично!

– О-о! Ну, если сам Уйдано Рыжий подтвердит... – Старик покивал головой и, словно о чём-то догадываясь, осмотрел гостя самым внимательным образом с ног до головы. Потом предупредил: – Только сразу я могу признаться, что и сами тайны к себе ни за что не подпустят самозванца. Имелось несколько случаев в истории, когда чужаки пытались доказать, что они прилетели со звёзд, но все они погибали при попытках ознакомления с тайнами.

«Это и понятно! – прокручивал у себя в сознании Палцени самые различные варианты и предположения. – Точно так же, как и в подземельях Шулпы: незнакомый с космическими технологиями человек погибнет при попытке вскрытия запоров, дверей или банальных на вид ящиков. Как и его товарищи... Разве что всей армией навалятся да тот же дворец растащат по камешку. Но тогда от тайн ничего, кроме искорёженного, а порой и радиоактивного металла не останется. Теперь бы выяснить, когда и кто эти Ворота тут построил... Вроде несложно...»

Просматривалось только два основных варианта. Один – что некая группа с того самого корабля-матки, на котором прибыл более девятисот лет назад Гранлео, отделилась и спряталась здесь. Или спрятала нечто, мешающее, компрометирующее или могущее спасти всех колонистов в чёрную годину.

Второй – здесь спрятано нечто, оставленное ещё более древними по времени посетителями данной планеты. А то и теми, кто построил те самые таинственные города, найденные Белыми орлами катарги на севере княжества Керранги и их розовыми братьями, проживающими на востоке Второго Щита, в Сумеречных горах. Признаки и упоминания о древней цивилизации имелись в сохранившихся чудом летописях того же Чагара, в исторических хрониках монастыря Дион да и в сокровищницах многих других труднодоступных государств Первого Щита.

Поэтому следующий вопрос Менгарец задавал очень осторожно:

– Наверняка ваши старшины ведут некую летопись Ворот и точно знают, сколько лет вы и ваши предки стоите на страже великих тайн?

– Об этом у нас все знают, кто грамоте обучился. Можно сказать, отпраздновали недавно дату в девятьсот шестьдесят три года с момента вступления на пост.

– Вон оно как...

«Значит, всё-таки кто-то из всё той же компании колонистов! Теперь бы понять, кто именно: враги или соратники Гранлео? Если соратники, то, что они могли здесь такое спрятать, что побоялись доверить охране боевых роботов у корпуса корабля-матки? Неужели второй диспектор? Так сказать, запасной? Только этого мне не хватало!..»

По всем уже известным Виктору правилам пользования здесь и в самом деле могло находиться второе устройство, наличие которого карается смертной казнью по закону всегалактического Союза Разума. И место для него выбрано вполне удачно. Река недалеко, соорудить каналы и некое подземное озеро – пара пустяков для колонистов, построивших Шулпу и всю ту же Чаолу, столицу Керранги. Но если следовать и дальше логике рассуждений, то подобных диспекторов могло быть и больше. Один мог быть оставлен в королевстве Бонителлы, которое находится на северо-западе Шлёма и жители которого до сих пор сохраняют завидную

лояльность императору Гранлео. Второй мог и в самом деле оставаться в корабле-матке. Да и третий могли попросту законсервировать в пустынном, совершенно не посещаемом людьми месте планеты. Против этого страшного вывода была только одна важная деталь: во время своих ежегодных паломничеств главный сатрап здешнего мира путешествовал только в Керранги и там вносил запись своей памяти в считывающие устройства диспектсора. Иные места он никогда не посещал.

Вроде здравая, успокоительная мысль, но за ней тут же пришла следующая: а что стоило имеющим любую современную технику колонистам просто закольцевать все диспектсоры в единую систему. То есть они постоянно делились имеющейся в них информацией. Один, основной, выходит из строя, и тут же подключается следующий, начиная работать как основной и действующий. И при необходимости сразу передаёт весь пакет информации в любую окольцованную яйцеклетку любой наложницы, которая якобы ждёт ребёнка от другого мужчины. И через девять месяцев всё равно рождается новый Гранлео.

«Кошмар! – мысленно стонал инопланетянин. – В таком случае уж точно придётся выискивать все пятьдесят пять наложниц и уничтожать их вместе с человеческими зародышами! Или под конвоем заставлять путешествовать в Шулпу, где проводят насильственное омоложение каждой красотки, уничтожая при этом как сам плод, так и все остальные, уже давно «окольцованные» яйцеклетки. Что ж за напасть такая?!»

Правда, тут же постарался себе добавить оптимизма иными воспоминаниями, которые сводили на нет такое кошмарное предположение. Всё-таки надпись на найденной карте была однозначная, и указывала, куда именно доставить и установить один диспектсор, а не тот или иной с порядковым номером. К тому же паниковать было слишком рано, следовало вначале получить допуск от старшин и посмотреть на те самые тайны. Ведь могли и недруги Гранлео здесь нечто спрятать. Ну и напоследок, из всей этой целостной картины совершенно выпали гномы, как всё-таки мысленно окрестил Виктор огромных бородатых подземных жителей. Уж их нападения четырьмя десятками рыцарей на заведомо более многочисленный гарнизон Ворот вообще ни в какие ворота не пролазил.

«Эко я удачно скаламбурил, – улыбнулся Менгарец, уже сидя за обеденным столом и поглощая поданные довольно скромные блюда. При этом он уже в который раз убедился, что его задумчивость замечена и никто не пристаёт к нему с вопросами. – Уважают!.. А скорей всего, Сухарь догадался, что на роль того самого «человека со звёзд» я и собираюсь претендовать в самом скором времени. Эх, ещё бы только понять, что за странные военные действия здесь ведутся и что тут вместо «сладкой морковки»?..»

Глава седьмая

Война с гномами

После окончания скромной трапезы гость, а вернее всё ещё пока почётный пленник, приступил к дальнейшим расспросам. Причём опять собрал вокруг себя пяток мужчин опекавшей его семьи и теперь задавал вопросы каждому по отдельности. Настолько ему хотелось сравнить разные мнения. Ну и попутно старался узнать о том бонусе, которым девятьсот шестьдесят три года назад хитрые колонисты заманили людей для охраны явно более древнего посёлка (скорей всего Ворота были найдены с помощью воздушной, а то и спутниковой разведки). Потому что без сладкого пряника или блестящей погремушки так просто людей на века не загипнотизируешь. Так просто они, питаясь только легендами да сказками, сражаться, умирать и жить в полной изоляции не станут.

Но сколько ни спрашивал, сколько ни уточнял, так и не получил внятных, прямых ответов. Особенно по поводу обещанной «морковки». Все явно что-то знали и свято в это верили, но чужаку данный секрет раскрывать не спешили. Зато появилась твёрдая уверенность, что если старшины решатся на показ неких тайн, то и про награду для обитателей посёлка обязательно расскажут. Опять-таки если награда не заключается в наличии банального молекулятора, производящего большую часть нужных для людей продуктов и одежд. Но против молекулятора говорил тот факт, что отряды охотников вынуждены были добывать дичь в лесах, а раскинувшиеся по всей долине сады и огороды, а также домашняя живность в каждом хозяйстве подтверждали, что люди здесь себя обеспечивают пищей сами. Ну а любые ткани и прочие недостающие в хозяйстве вещи они могли выменять за трофейные рыцарские доспехи и оружие.

Молекулятор отпадал. Можно было отложить на будущее и вопрос о награде.

А вот с гномами очень хотелось разобраться. Правда, Большой Сухарь вначале выражал своё недовольство:

– Да что ты их всё время гномами называешь?

– Стереотипы у меня такие, – многозначительно пояснял гость. – В моём понимании все, кто живет в пещерах и подземельях, – это гномы. Просто тут у вас они какие-то неправильные, слишком огромные, а потому ещё более непонятные. Им что, места под солнцем не хватает? Или они под его лучами ожоги получают?

Выяснилось, что не боятся небесного светила. Мало того, в ночное время, как следовало бы ожидать по логике существования в полной темноте, гномы никогда Ворота не атакуют. Только днём, хотя время разнилось, от завтрака до ужина, и никакой системы не просматривалось.

– А чем же тогда они свои пещеры освещают? Или в темноте живут?

Сие было не известно никому. Судя по глазам гномов, которые позволяли тотчас идти в атаку на посёлок, не тратя времени на адаптацию к свету, в подземельях пользовались неким освещением. Но вот ни запаха костра, ни запаха обычного дыма, в особенности свечного, от бородачей никогда не ощущалось. Выходили они на бой, не имея с собой ни крошки продуктового запаса, ни фляги или ёмкости с водой. Также никаких посторонних вещей или мелочей личного характера. Только одежды из крепкого льна и иного непонятного материала и рыцарское облачение.

Иные наблюдения тоже имелись и собирались веками: зубы – вполне нормальные, как для обычного человека, порой отсутствовали, порой виднелись больные. Старше чем в сорок лет никто из гномов в атаке не участвовал. Судя по остаткам пищи, найденным в слишком уж распоротых животах, употребляли подземные жители и свежую зелень, и фрукты, и мясо

с хлебом. Хотя большую часть рациона составляли всё-таки грибы. Значит, и у них среди гор имелись некие долины с садами и огородами.

Вот и все догадки да выводы.

– А поговорить вы с ними пытались? – упорствовал в расспросах Виктор. – Причём не с пленными и не перед началом боя, а именно выкрикивая в те места и расщелины, откуда они пытаются к вам подобраться?

– Постоянно пытаемся выйти на разговор, – стал пояснять Кхети Эрст, который, оказывается, частенько стоял во внутреннем дозоре непосредственно возле горных тоннелей. – Это у нас уже вошло в ритуал. Как только начинаем слышать скрежет и шебуршание, сразу туда направляем рупоры и твердим как сумасшедшие: «Мы не хотим с вами воевать! Давайте жить в мире как добрые и порядочные соседи!»

– И хоть раз откликнулись?

– Ни разу за всю нашу историю.

– Кстати, а нападать они стали сразу с первого же дня поселения здесь общины?

Аборигены задумались. Даже самый старший среди них так и не смог ответить конкретно на поставленный вопрос:

– Надо у старшин спрашивать...

– Да я готов! – тут же откликнулся пришелец, обращаясь к Кхети: – Пошли?

– Запретили появляться и беспокоить, – скривился охотник. – Сказали, что сами вызовут, когда время придёт.

– Ну а хоть посёлок и остальные строения осмотреть можно? – не хотелось Виктору терять время, ведь задавать вопросы и разговаривать можно и на ходу.

Все пятеро мужчин посоветовались, и Большой Сухарь решил: можно. Так всем гуртом и отправились сопровождать гостя, который сам нёс на плече свой огромный двуручник, посматривая по сторонам, чтобы не срезать ненароком кому-нибудь голову.

Менгарец уже знал, что посланный к Уйдано Лайри связной вернётся не ранее завтрашнего вечера, и сразу смирился с нахождением здесь ещё как минимум двух дней. Пробиваться из долины с оружием нельзя, вроде вокруг не враги, и рваться на приём к ополоумевшим от старости старшинам тоже бессмысленно. И так хорошо, что ходить везде разрешили, вопросы задавать любые и оружие пусть только одно-единственное, но вернули.

Прогулка по посёлку, принесла очень много познавательной информации. Гость совал свой нос всюду, о каждом выпрашивал и со всеми пытался познакомиться. Поэтому довольно быстро и легко не только опознал, но и представился всем трём женщинам, посетившим его ночью и узнал их биографию. Те не догадывались, что он прекрасно рассмотрел их лица, и сами были не против перекинуться с ним если не парой фраз, то хотя бы взглядами.

Очаровательная глухонемая красавица жила в большой и дружной семье, но без матери, которую убили прорвавшиеся к домам гномы, когда ребёнку было всего пять лет. Смерть матери настолько потрясла дитя, что после долгих криков девочка оглохла и стала немой. Что только не пытались сделать с ней лекари, никаких результатов. Ко всему прочему она банально боялась всех мужчин, кроме своего отца и старших братьев. То есть ей вряд ли светило замужество, несмотря на всю красоту, добрый нрав и непорочность. И сама девушка не желала, и другие не слишком-то сватались.

Когда её представили, она скромно поклонилась и замерла, не отводя взгляда от своего первого в жизни мужчины. И настолько этот взгляд показался странным и многозначительным, что это заметил даже старый рыцарь:

– Ох как на тебя смотрит! Впервые такое вижу. Никак понравился ты ей...

– Увы! Я уже помолвлен, – признался Виктор, – так что свататься не имею права. Единственное, что могу пообещать, что когда вы её доставите в Шулпу, то я приложу все усилия, чтобы вернуть красавице и слух, и умение разговаривать.

Сухарь поверил сразу и потом оживлённо о чём-то перешёптывался с отцом глухонемой девушки. А сам Менгарец сумел рассмотреть во взгляде в первую очередь именно благодарность и похвалил себя за ночные выдержку, терпение и неспешность.

Вторая женщина оказалась супругой одного из лучших, знатного, по местным меркам, рыцаря. Да вот беда, так и не было у него ни одного своего ребёнка, хотя в семейном доме иных детей и малолетних родственников хватало. Причём сам рыцарь, скорей всего, знал, что причина бесплодия его жены именно в нём и догадывался, куда уходила его супруга этой ночью. Потому что как-то уж слишком пристально осматривал гостя со всех сторон, опробовал его меч, а потом слишком долго держал его руку при прощальном рукопожатии.

Ну а третьей женщиной оказалась одиноко живущая вдова, которая с первыми мужьями разошлась из-за бесплодия, а последний муж, который и так был с ней счастлив в браке, погиб год назад во время охоты. Она встретила гостя шутками и весёлым смехом, а потом ещё и предложила зайти в дом да испить прохладного ягодного морса. Неожиданно для всех сопровождающих Виктор согласился, но когда они на короткое время остались одни, он быстро зашептал хлебосольной хозяйке:

– Если вдруг тебе не удалось забеременеть этой ночью, не отчаивайся. Обязательно постарайся сопроводить вашу глухонемую девушку в Шулпу. Я и тебе окажу помощь в восстановлении детородных органов! Даже если меня в тот момент в столице не окажется, добивайся личной встречи с Додюром Гелианом или Фериодем Вессано. Им двоим можешь смело сказать, что у нас было ночью, и они тебе помогут обязательно.

Когда он уходил, вдова стояла с выпученными глазами и с кувшином морса, словно окаменевшая. Но когда они немного отошли от её дома, выглянула в окно и прокричала одно из самых значимых местных пожеланий:

– Пусть твоя жизнь продлится сто пятьдесят лет!

– Ух ты! – удивился Кхети. – Чего это она такая добрая и приветливая вдруг? Напиться предложила... улыбается... А ведь самая склочная и скандальная баба в посёлке! Только не хватало...

– Много ты понимаешь! – прервал разглагольствования охотника его дедушка по линии жены. – Знал бы ты, сколько она в жизни горя перенесла...

И в этот момент началось: звонко и часто зазвенела подвешенная где-то возле восточной оконечности не то рельса, не то определённый сигнальный колокол. Именно по этому сигналу тревоги всем воинам посёлка следовало мчаться на сражение. Очередные сорок рыцарей подземелья выбрались на поверхность долины и шли штурмом на посёлок.

Как уже знал Виктор из рассказов, гномы, если им не удавалось сразу незамеченными вырваться на свет и броситься к посёлку, после поднятия тревоги уже не спешили. Строились в виде ощерённого короткими копьями или мечами треугольника и ждали приближающегося противника. И если потери приближались к пятидесяти процентам, подхватывали раненых и организованно возвращались в зев ждущего их тоннеля.

Жители посёлка тоже за века выработали свою тактику, главная суть которой заключалась в одном: не допустить потерь в собственных рядах. А потому на бой бежали не только все рыцари, охотники и могущие нести оружие мужчины, но и женщины, подростки, а порой и дети лет восьми-десяти. Последние несли в своих ручонках хоть что-то: несколько стрел, камень, нож. И готовы были подать свою ношу взрослым по малейшему знаку или негромкому слову. Благо ещё, что сами не лезли в первые ряды, а довольно дисциплинированно выстраивались за спинами взрослых такими маленькими группками. Женщины несли рогатины, копья, но в основном носилки и перевязочные материалы.

А в посёлке оставался дежурный отряд охраны количеством в тридцать воинов. Всё-таки тылы обитатели Ворот всегда держали прикрытыми.

В любом случае перевес в схватке с гномами получался многократный только по воинам, что позволяло порой отбивать агрессию без жертв со своей стороны, а в лучшие дни и без ранений.

Что характерно и несколько удивительно, но у защитников Ворот луков имелось мало, всего лишь у каждого третьего. А вот у бородатых агрессоров подобного оружия вообще не существовало. И глядя на их наглухо закрытые забрала, из которых несуразными ключьями торчали бороды, и сплошные, без видимых прорех латы, можно было догадаться, что лук и стрелы они презирали, мягко говоря. А может, никогда и не умели ими пользоваться. Однако лёгких стрел, которые имелись в посёлке, совершенно не боялись.

Во время сближения защищающаяся сторона действовала тоже по правилам, выработанным за столетия кровью. Как раз об одном из них и рассказывал бегущий рядом с Виктором Сухарь:

– Спешить нельзя! Если мы приблизимся к ним цепью, они сразу ударят, сминая тонкую стенку бойцов. Только все вместе! Только сработанными и дружными клиньями! И при этом при постоянном обстреле бородачей с флангов, а также атак со второй линии тяжеленными рогатинами.

– Разумно, – похвалил гость, переложив свой меч на левое плечо и разминая освобожденную правую кисть. – Хотя могли бы вы уже давно придумать и некие иные методы...

Рыцарь презрительно фыркнул и умудрился дёрнуть Менгарца за фалду куртки:

– Ты вперёд не рвись! Это тебе не брёвна!..

Но гость и так не торопился, внимательно присматриваясь к выстроившимся гномам, до которых осталось всего лишь метров пятьдесят. Потом вместе со всеми, чтобы перед боем восстановить дыхание, тоже перешёл на шаг:

– И как часто они нападают?

– Когда как. Могут порой и два раза в неделю нагрять. А могут всего раз в год побеспокоить.

– А что с индивидуальными поединками? Не пробовали их вызывать по отдельности?

– Для развлечения, что ли? – разозлился старик и сплюнул от досады. – Так при одиночных боях они чаще наших побеждают. А даже и если бы поровну, чего нам даром рисковать?..

Но Менгарец уже завёлся и, ускорив шаг, несколько вырвался вперёд из общей массы защитников Ворот. Так и добрался первым к месту сражения, остановившись только метрах в пяти перед остриём стального треугольника. Тот не дрогнул, видимо, посчитав одиночную цель несущественной. Зато немедля приступил к словесной атаке обладатель двуручника:

– Эй, ребята! Почему вам не сидится в своих пещерах, спрашивать не буду. Ибо меня убедили, что вы все немые и говорить не умеете. Но вот на вашу удаль молодецкую посмотреть жуть как хочется. Поэтому для начала предлагаю одному из вас сразиться со мной в личном поединке. Когда я его завалю, могут выйти на бой со мной двое. Потом трое. Ну и так далее, до десяти. Ах да!.. – на мгновение умолк, быстро успел просчитать в уме и сложить цифры. – Вас же не хватит тогда даже на девятку! Ну да ладно! Кто первый?

К некоему удивлению, торговаться и вызывать соперника на поединок больше не пришлось. Вперёд беззвучно шагнул самый первый бородач, стоящий во главе клина. Так же молча ударил плашмя мечом по своему щиту, видимо, в знак приветствия или ещё чего другого, и тотчас пошёл в атаку. Вероятно, ни сомнений, ни страха эти подземные жители не испытывали.

Зато несколько растерялся от такой простоты сам вызывающий. И прежде чем успел крутануть разок своим тяжеловесным оружием, пришлось отступить два шага назад. Гному, наверное, показался такой ход поединка очень выгодным, и он резко ускорился и даже не понял, скорей всего, как у него оказалась отрезанной правая кисть вместе с мечом. Бросив щит и зажимая кровоточащий обрубок левой рукой, он, пошатываясь, отошёл в сторону и там осел на землю без единого стога.

В этот момент Менгарец больше всего опасался, что оставшийся клин тут же устремится в атаку, тем более что за спиной дуэлянта, метрах в десяти, уже выстроились стенкой защитники посёлка. Но гномы стояли, словно ожидая очередного приглашения. И оно последовало: – Теперь – выходите двое!

И опять отделились две закованные в сталь фигуры с острия клина. С этой парой обладатель легендарного меча тоже справился быстро: одному отсек правую руку с мечом по локоть, а второго убил, разрубив левое плечо вместе с кромкой щита. Не спасли бородача ни толстенные латы, ни щит, ни его воинские умения.

А Виктор только почувствовал себя нормально разогретым:

– Приглашаю на поединок троих соперников! – воскликнул под мощный и непонятно, одобрительный ли, но уж точно восхищённый гул у себя за спиной. Причём именно в этот момент он вдруг почувствовал в себе дивную, но твёрдую уверенность: если вдруг на него сейчас бросятся все оставшиеся в строю тридцать семь противников, он и с ними справится без помощи жителей Ворот.

Эта тройка, как и последующая четверка, была порублена вместе с латами и щитами, словно капуста в поле. Из семерых никто не остался в живых. Когда вышли пятеро, стараясь двигаться единой стеной, Менгарец применил несколько опасный для себя приём: чуток присел, вытягиваясь вперёд, и, словно лазерным лучом, обрезал ноги сразу четверым противникам. Кому одну ногу зацепил, кому обе, но бой продолжать они уже не смогли в любом случае. Последнего не разрубил, а просто проколол вместе со щитом, будто бы орудуя шпагой. Причём именно хотелось и самому узнать, не завязнет ли меч в костях и броне, явно не приспособленный для таких уколов.

Не застрял. Во время поединка с шестёркой гномов сделал вид, что опять хочет порубать им ноги. Те приняли контрмеры, убирая выступающие колени и пытаясь атаковать из удобной позиции сверху. Да только Виктор встал чуть раньше, и его почти невидимый в движении меч прошёлся на уровне грудных клеток у врагов, разрезая всё, что попало у него на пути. Трое упали сразу, один стал пятиться, пока с хрипом не завалился на спину: у него была снесена половина челюсти. С оставшейся парой противников дуэлянт справился двумя взмахами гудящего от скорости меча.

После чего замер на месте, посматривая на оставшихся девятнадцать агрессоров. Вроде как по всем традициям, потеряв половину личного состава, отряд стремительно покидал долину. Так было раньше...

Но не сейчас. Всё так же безмолвно подземные жители ждали выполнения обещания дивного соперника с громадным мечом. Тем более что все ясно видели, он получил-таки несколько ранений. Кровоточили оба плеча и правое бедро, всё-таки и его достали в этой жестокой, кровавой схватке.

Ну и сам Менгарец прекращать поединок не собирался. Хотя со спины неслись не только предупреждения и советы, но и требования прекратить подобное сражение. А бас Большого Сухаря перекрывал все остальные голоса:

– Прекращай! Такого ещё никогда не было в истории! Может, ты и справишься, но нельзя так рисковать! Да и как бы чего иного не случилось... Вон сколько их из тоннеля выглядывает! Вроде не рыцари, без оружия, но мало ли что...

Но тут уж отступить было не с руки. Тем более что, ещё сражаясь с шестью соперниками, Виктор понял прекрасно: таким скопом они только мешают друг другу атаковать, и главное, самому не оступиться, не упасть и не дать себя погрести под общей массой закованных в сталь противников.

Поэтому он не стал оттягивать финальные схватки:

– А теперь приглашаю на бой семерых соперников!

И вновь громадный двуручник мелькнул, превращаясь в размытый от скорости пропеллер, который без труда разрезает воздух, плоть, кости и железо.

Глава восьмая

Приоткрытые тайны

Когда поединок закончился, несколько минут над полем боя висела полная настороженная тишина. После чего со специфическим грохотом стал заполняться громадными булыжниками открытый до того тоннель. Никто из гномов не бросился наружу мстить за своих павших товарищей, а может, и родственников. Даже за ранеными, которых пытались теперь спасти поселковые женщины, никто не предпринял ни малейшей попытки выхода. Они попросту ушли, заваливая за собой проход, как делали это уже многие сотни лет.

Тогда как Менгарца силком уложили на носилки, установленные на камнях, и окружили тотальной заботой сразу два лекаря да плюс десяток наиболее расторопных женщин. Только тогда он заметил все свои многочисленные раны, которые получил во время последних схваток. И запоздало пожалел, что не имел на себе надлежащих доспехов. Хотя тут же сообразил, что именно лёгкость и быстрота перемещения, скорей всего, и спасли от более тяжёлых и глубоких ран. Его всего начало солидно, очень неприятно потряхивать: после гигантского перенапряжения пошло расслабление мышц, стали ощущаться болезненные разрывы тканей, а голова стала мыслить более правильно и меркантильно:

«Ну и кому и что я доказал? К чему это глупое детское позёрство и хвастовство? Этих бы гномов и без меня затоптали количеством или разогнали рогатинами! Что за смысл рисковать собой, когда у меня на носу срочное решение проблем всего здешнего мира? М-да! Похоже, я с возрастом глупею...»

Кажется, точно таких же мыслей придерживался и Кхети Эрст, протолкнувшийся среди женщин и вставший у него в головы:

– Все, конечно, в восторженном шоке от твоего геройства и невиданного воинского искусства, – шептал охотник на ухо, – но все очень интересуются: зачем ты затеял подобный бой?

Так как Виктор сам бился над этим вопросом, то вначале догадался многозначительно промолчать. Уж больно не хотелось выставлять себя в неприятном свете перед всем посёлком. А потом, вспомнив услышанные местные легенды, сообразил, как себя обелить, и так придумал вполне приличную, даже солидную отговорку:

– Мой меч обладает собственным сознанием. И порой заставляет меня действовать словно загипнотизированный. Так что за свои некоторые поступки во время боя ответственности не несу.

Кхети удовлетворённо хмыкнул и вернулся в толпу воинов, где гомон сразу стих. Настолько все желали выслушать правильное толкование всему увиденному. Виктор ещё попытался прислушаться к словам и комментариям окружающих, как вдруг уши словно заткнули ватой, небо вдруг развернулось, поменявшись местами с землёй, и на сознание накатил волна беспамятства. Всё-таки кровушки из него вылилось слишком много.

Слабый, сонный, можно сказать, разбитый на сотни кусочков и кое-как склеенный, очнулся уже совсем в ином месте, незнакомом и совсем непохожем на комнату Сухаря. Мысль о еде вызвала неприятие, а вот пить хотелось невероятно. Но пока пытался облизать пересохшие губы и кого-то позвать, над ним тотчас же нависли две сиделки. Заботливо приподняли голову и плечи, подложили подушки и стали поить каким-то травяным отваром. Выпив полную кружку, раненый распробовал вкус и скривился:

– Какое же оно горькое!

Одну из сиделок он узнал сразу: та самая тридцатилетняя вдова, которая перед боем пожелала ему прожить сто пятьдесят лет. Она ответила довольно строго:

– Тебе положено пить только это.

Удалось рассмотреть падающий свет в окно. И по нему получалось, что уже утро:

– Однако! Как меня развезло! Я весь вечер и всю ночь проспал?

Теперь затараторила другая сиделка, явно опередив свою товарку:

– И вечер, и ночь! И весь день, и опять ночь! Но наш знахарь сказал, что так надо. Здоровье у тебя в порядке, ран опасных нет, скоро сможешь встать. А через день-два и самостоятельно кушать.

– Не понял... Я что, уже и ложку держать не могу?

– У тебя много ран и порезов на руках, так что тревожить их ещё нельзя будет некоторое время.

Менгарца не столько кормление ложкой смутило, как трудности при опрвлении нужды. Он даже покраснел, ощущая головокружение. Вдова это заметила и обратилась к подруге командным тоном:

– Позови знахаря! – а когда та ушла, без всякого стеснения спросила у мужчины: – Подать тебе «утку»?

Тот отрицательно дёрнул щекой, решив, что вначале сам попытается встать, переводя разговор в иное русло:

– А где это мы? – при этом начал постепенную проверку своего организма, перейдя к шевелению пальцами ног, а потом и рук.

– Наш поселковый госпиталь. Самое спокойное и надёжное место. Здесь никто не будет надоедать своими посещениями, потому что ни знахарь, ни я не допустим.

– Ага, спасибо... Но ты лучше скажи: посыльный, которого отправляли к Уйдано Лайри, уже вернулся?

– Ждали его ещё вчера вечером, но до сих пор его нет. Если до обеда не будет, собираются отправить сразу двоих. Времена-то нынче ещё более беспокойные, чем при владычестве империи. Вон сколько лихих людей по дорогам бродит, да и кашьюри словно взбесились в последние дни. Уровень воды падает, вот они и ползут по суше, словно ориентиры потеряли.

Проверка ног и рук к тому времени закончилась. Всё вроде шевелилось и чувствовал себя нормально, хотя и с некоторой заторможенностью. Но тут наверняка были виноваты обезболивающие мази, которыми пользовались местные врачеватели, да тот самый горький выпитый отвар, заставивший забыть про жажду в частности да и про желудок вообще. Теперь оставалось осмотреть себя визуально:

– Пожалуйста, раскрой меня! – попросил он сиделку и не удивился, что из одежды на нём ничего не осталось. Зато её вполне существенно заменяли повязки и приложенные к самым значительным синякам компрессы с мазями. Некий бандаж, удерживающий что-то мягкое на затылке, ощущался и на голове. – Эк меня замотали! Словно мумию!

Во время этих весёлых восклицаний явились два местных целителя. И с ходу забросали пациента кучей вопросов о его самочувствии. Долго тешить их профессиональное самолюбие Менгарец не стал. Немедля потребовал совершенно иного:

– Уважаемые! Пока я тут лежу, совершаются страшные дела, которые будет очень сложно исправить впоследствии. Поэтому срочно позовите ко мне тех, кто вправе решить вопрос с сигнальными кострами. Будь то хоть старшины, хоть господа Большой Сухарь и Кхети Эрст.

– Тебе бы ещё этот денёк и ночь поспать, – попытался навязать свой режим старший из местных знахарей. – Всё-таки ран у тебя...

– Я лучше знаю, как у меня с заживлением! – не совсем вежливо оборвал его пациент. – Так что прошу немедленно позвать сюда кого следует. Иначе, если я решу встать и выйти, меня никто не остановит!

Целители переглянулись между собой, кивнули головами в знак согласия, развернулись и вышли, нисколько не заглушая своё недовольное бормотание:

– Ну да, такого остановишь!..

– А говорил я тебе, давай ему снотворного больше добавим!

– Да-с! Жаль, что я тебя не послушал... Спал бы наш герой ещё сутки и никаких проблем не создавал!..

Засомневавшись в правильном понимании их кивков, Виктор уточнил у вдовы:

– Позовут? Или мне вставать?

– Они позовут. И старшины сейчас же придут, никуда не денутся! – успокоила она его.

После чего воровато оглянулась на закрытую дверь и, пока нет товарки, решила задать пару самых сокровенных для неё вопросов:

– Признавайся, как ты меня узнал?

Пришлось сделать многозначительную паузу, чтобы придумать достойный, а главное, могущий звучать как комплимент ответ:

– Ты знаешь, такую страстную и прекрасную женщину можно узнать только по одному голосу и призывному взгляду.

– Скажешь тоже... – зарделась она от смущения и удовольствия. – Неужели я так на тебя открыто смотрела?

– Ещё как!

– Но если у меня будет ребёнок, мне сопровождать нашу бедняжку в Шулпу?

Понятно, что она говорила о глухонемой красавице, которая посещала арестанта самой первой. И он несколько замялся, не зная, как правильно на этот вопрос ответить. Оказалось, что с ним общается весьма и весьма информированная особа:

– Да ты не мнись. Не знаю, как твоя вторая партнёрша, но я-то их обеих прекрасно видела и чётко опознала по силуэтам. Так что догадываюсь, что и она стала женщиной и может вскоре иметь ребёнка.

– Э-э-э?... Ну если так, то признаюсь: пока женщина не родит, её омолаживать или лечить в Шулпе нельзя. А вот после пусть обязательно совершит путешествие. Ну а ты...

– Ну а я почему-то очень верю, что никуда мне путешествовать не придётся. – Женщина счастливо улыбалась, при этом словно прислушиваясь к своему внутреннему миру. – Боюсь, конечно, утверждать окончательно, но что-то во мне изменилось. Ну а после увиденного в твоём исполнении боя я уже и не сомневаюсь, что именно. У таких героев не бывает сбоев и напрасных попыток.

Захваленный и осыпанный такими восхвалениями мужчина даже дар речи потерял от смущения, а когда всё-таки собрался как-то ответить, в палату чинно стали входить старшины. Причём в полном составе, и оказалось их не трое, а сразу пятеро. С ними также явились Сухарь Большой, и Кхети Эрст, и ещё несколько солидных, судя по возрасту и выправке, воинов. Правда, вслед прибывшим неслось недовольное ворчание целителей, которые посчитали злостным нарушением врачебных законов такое скопление здорового люда в одной комнате с пострадавшим. Но на него никто не реагировал.

Старцы уселись на принесённые для них стулья и, прежде чем начать общение, многозначительно вонзили свои взоры на вдову. Причём грозно уставились и повелительно. Мол, сваливай отсюда! Да только та проигнорировала все взгляды, усевшись с другой стороны раненого и деловито поправляя на место то одеяло, то край простыни, то подушки. А весь вид её говорил: «Отсюда меня унесут только мёртвой!»

Пришлось дедуганам смириться, и самый старший из них скрипучим голосом, медленно выговаривая слова, приступил к вступительной речи:

– Виктор Палцени, он же Монах Менгарец! Ты доказал свою лояльность нашему посёлку...

А тому уже такое длинное вступление надоело, и он еле сдерживался, чтобы не скривиться, как от лимона. Поэтому постарался радостно улыбнуться и деловито вклинился в скрипучую речь:

– Вот и прекрасно! И я рад, что вы осознали всю тяжесть сурового положения, которое сложилось на Майре. Каждая минута моего бездействия – это новые войны и тысячи жертв в будущем. Поэтому я счастлив, что мы нашли общий язык, доверяем друг другу и незамедлительно переходим к самому главному. Итак! Надо немедленно устроить сигнальные костры на самых высоких точках и сделать так, чтобы клубы дыма вырывались с определёнными интервалами. Это надо, чтобы Белые орлы катарги увидели наши сигналы и прилетели сюда с помощью. А если...

Теперь его перебил, не выдержав, один из старшин:

– Но ты нас не дослушал! И ты всё ещё остаёшься чужим среди нас! Да и от короля Уйдано Лайри пока нет подтверждения, что он тебя знает! Поэтому слушай нас и не пытайся распоряжаться!

Он закончил своё гневное высказывание и победно оглянулся по сторонам. Да только сразу было понятно, что ни у кого, даже у своих престарелых товарищей, он не вызвал одобрения своим вмешательством. Никто не поддержал его даже взглядом, отводя глаза в сторону. А уж рыцари и воины так вообще откровенно кривились да фыркали. Из чего Виктор моментально сделал должные выводы:

– Спасибо за огромное доверие! Уверен, вы о нём не пожалеете! – и продолжил в том же тоне: – Орлы видят очень далеко и наверняка ведут поиски потерпевших кораблекрушение в прибрежных зонах возле Речного.

– Но мы страшно далеко оттуда! – опять возопил ретивый и самый недовольный дедок. Видимо, он никак не хотел идти на поводу у чужака. – И общеизвестно, что все орлы катарги, что Белые, что Розадо, – беспощадные убийцы, кровавые хищники, охотящиеся на людей. И никакое их приручение невозможно изначально.

– Смею вас всех заверить, уважаемые, что Белые катарги обладают таким же разумом, как и мы, люди. И в данный момент с ними возможно как общение свистом, так и полное взаимовыгодное сотрудничество. На Шлэме их права и привилегии уже закреплены новыми законами. Если прибудет посланник от Уйдано Лайри, то подтвердит мои слова. По поводу Розадо точных сведений нет, да они на дымные сигналы и не подтянутся. Так что... Вначале покажите мне на карте, где мы находимся? Есть у вас карты?

Оказалось, что есть, и к тому же принесённые с собой. Кхети держал карту перед раненым, а Сухарь ткнул своим толстым пальцем в точку возле широченной синей ленты Сарги:

– Вот здесь мы находимся.

– Ржавчина на мою голову! – округлил глаза инопланетянин от удивления. – Не может быть, чтобы обломок корвета так далеко занесло ураганом! Невероятно!..

Таинственная долина с посёлком Ворота находилась в глубине материка чуть ли не на треть от всей его ширины. И уж точно две трети расстояния оставалось до массивных Сумрачных гор, в которых обитали вышеупомянутые дикие орлы Розадо. Никак не приходило понимание того, как ураган мог заволочь судно, пусть даже его небольшой обломок, на такое кошмарно огромное расстояние? Не иначе как смерч постарался, потому что чётко остались воспоминания о каком-то странном полёте-круговерти.

Так что лишний раз Виктор подивился капризности Фортуны. Настолько далеко зашвырнуть в дебри Второго Щита и при этом оставить шансы к выживанию – этому даже трудно найти точное определение, наказание это небес или награда.

Не менее интересным оказалось и разделение материка по границам государств. Во время подписания союзнического договора с Уйдано Рыжим, как его тут чаще называли, тот показывал инопланетянину карту, нарисованную от руки, скорее всего, сделанную им лично. Ранее, в Чагаре, таких карт вообще не имели, ну а в Шлэме отыскать не удалось. Поговаривали, что они остались только в некоторых древних библиотеках. А здесь перед глазами пришельца предстало настоящее произведение искусства, где превосходно виднелись все одина-

дцать государств, а также подавляющее количество рек и озёр. Недаром этот край прозвали «болотным», а его обитателей «болотниками», настолько много здесь было пресных водоёмов.

Правда, тотчас мелькнуло неприятное воспоминание о кашьюри. Если эти твари заполнили все эти пространства и поймы рек, их и за сотни лет не выведешь.

– И что, монстры расселились по всем озёрам и болотам?

Его страхи немного успокоил охотник Кхети:

– Судьба миловала наши земли от такого нашествия. Только примыкающая к заливу территория, да болота и маленькие озера вокруг больших рек. И то не на всю длину. В Саарге монстры добираются лишь до этого крутого поворота. Дальше начинаются пороги, и они, словно преграда, отсекают эту клыкастую мерзость.

– Ну хоть что-то обнадёживающее... Кстати, выжил кто-то из гномов, которые со мной сражались в поединке:

– Все умерли, – как о чём-то несущественном высказался охотник.

– Так что с кострами? – поинтересовался Сухарь. – Есть ли смысл их разводить, если мы так далеко от пролива, и привлекать тем самым ненужное внимание посторонних к нашей долине?

– Есть! Уверен, что катарги в любом случае даже сюда залетят. Особенно один из них никогда не успокоится, который считает меня своим первым кормильцем. Да и совсем не обязательно разжигать костры именно рядом с долиной. Пусть их устроят где-нибудь вот здесь или вот на этом взгорье. А когда увидят Белых орлов, только и надо будет уложить костёр углом, который показывает остриём на Ворота, да накрывать куском мокрой ткани. Заметив прерывистый дым, орёл прекрасно поймет, куда ему следовать. А вот уже в самой долине при его появлении следует подавать одним дымом несколько иные знаки...

Он пояснил, какие именно делать интервалы, настаивая, что в случае появления катарги он и сам выйдет наружу. Потому что разумные птицы умеют с огромной высоты узнавать в лицо знакомого человека.

Как ни продолжал один из старшин бубнить себе под нос нечто нелицеприятное, остальные даже не совещались и не обсуждали просьбу героя. Просто кивнули по очереди, и один из воинов поспешил наружу. Вскоре отряд из пяти человек умчался в сторону намеченного для раскладывания кострищ взгорья. Как оказалось, у них для лучшего, чёрного по цвету, дыма имелись некие скатанные шары природного асфальта, который добывался в одной из глубоких пещер.

А Менгарец, не откладывая давно заготовленные вопросы на потом, приступил к выяснению местных тайн и секретов:

– Уважаемые старшины, у меня к вам только два основных вопроса: когда вы мне покажете все оставленные вам на хранение тайны? И что всем жителям Ворот обещано за верную службу в награду?

Так вот сразу и с ходу седобородые старцы отвечать не спешили. Вначале ушли куда-то в соседнюю, пустующую палату, минут десять посовещались, а потом вернулись четвером. Заметив, как герой вопросительно смотрит на оставшийся пустой стул, один из старшин пояснил:

– Когда два раза подряд один из нас становится против остальных, его освобождают от почётной должности, и он отправляется доживать свои дни в семью.

– А если против – сразу двое?

– Они отправляются на покой после своего третьего несогласия. И на их место выбирают иных заслуженных людей во время общего схода.

Виктор кивнул на такое объяснение, признавая подобные правила вполне резонными и действенными. Конечно, могли иметь место и стговор между всеми пятью старшинами, но вряд

ли они в такой небольшой общине долго бы удержались при власти. Здесь наверняка все знают действия, а то и помыслы каждого, и эти поступки остаются более чем прозрачными.

Теперь оставалось дослушать, что ответит на его вопросы один из старшин:

– Даже не дожидаясь посланника от Уйдано Лайри, мы покажем тебе наши тайны. Но не сегодня и не завтра. Самое раннее – послезавтра.

– Почему? – вырвалось у раненого.

– Есть некоторые стороны жизни, в которых и мы не имеем права командовать. Целители настаивают на твоём полном покое ещё два дня, ты потерял слишком много крови...

«Много они понимают! – мысленно фыркнул Виктор, стараясь внешне сохранять выражение бесстрастности и внимания. – Они даже не подозревают обо всех возможностях моего тела! Ну да ладно, спорить сейчас не резон. А вот ночью встану и похожу для пробы сил, а то уже и вечером... И тогда плевать я хотел на постельный режим!..»

– К тому же мы просто обязаны предупредить тебя о смертельном риске для каждого, кто войдёт в хранилище. Если ты самозванец и не имеешь никакого отношения к далёким звёздам, тайны сами к себе не подпустят, превращая тебя в обугленную головешку... Как это ни прискорбно, но...

– Но это правильно! – закончил за него Менгарец твёрдым голосом. – И я даже рад, что наши предки установили такие жесткие меры безопасности.

Сам он нисколько не сомневался, что ему удастся вскрыть какую угодно защиту любого законсервированного склада или объекта. Теперь осталось выяснить, что тут было оставлено в виде «сладкой морковки». На это ответил другой старец:

– Ну а награда для нашей огромной семьи была обещана великая и достойная. Всем, кто дождётся людей со звёзд, а также их детям, внукам, правнукам и самым дальним потомкам обещана молодость до ста двадцати лет, а потом и долгая жизнь до ста пятидесяти.

«Ну да! Это ведь так просто! – с некоторым разочарованием подумал Виктор. – Мог бы и сам догадаться!»

Глава девятая

Коварные гномы

Пока раненый задумался над своими выводами, в палату с самыми строгими лицами вернулись оба целителя. И сейчас их голоса особенно показались жутко во всём одинаковы, вплоть до обертонов:

- Организм пациента истощён!
- Ему пора завтракать. Да и обед на носу.
- И делать это в нормальной, спокойной обстановке!
- Всех просим удалиться и заняться делами!

Не нашлось ни одного мужчины, который бы не посмотрел на лекарей с возмущением. Потому что получалось, все тут только тем и занимались, что настойчиво и целеустремлённо бездельничали. Тут, можно сказать, судьбы мира решаются, а некто излишне принципиальный такую напраслину возводит.

Зато первая сиделка оказалась самой понятливой и шустрой. Через пару мгновений она уже стояла со стороны посетителей, наклонившись над раненым и словно загораживая его от мира всем телом. Естественно, она при этом что только не поправляла, умудряясь казаться деловой и жутко занятой. Появилась и вторая сиделка с огромным подносом в руках. Тот оказался с ножками и весьма удобно расположился прямо на теле пациента, сковав ему руки.

Чувствуя себя неудобно от предстоящего кормления героя с ложечки, все визитёры довольно бодро потянулись к выходу. На некие попытки Виктора заявить, что он совершенно не голоден, никто не обратил ни малейшего внимания. Ну а уж хозяева госпиталя и подавно:

- Надо съесть всё без остатка! – опять заговорили они в унисон.
- Иначе постельный режим затянется на неопределённо долгое время.
- Тем более что этот завтрак готовила лично наша лучшая поселковая повараха.
- А она у нас в этом деле настоящая кудесница.

В самом деле, первая же ложка некоего блюда, напоминающего соте из баклажан, вызвала удивительный прилив аппетита. И смирившийся со своей участью Менгарец, гроза всех работников, извозчиков, разбойников и бородатых гномов, стал покорно открывать рот при каждой поднесённой к нему ложке.

Так налопался, что, когда опустевший поднос унесли, даже задумался: «Вроде как в туалет не помешало бы сходить... Или малость поспать? Что-то и в самом деле я до сих пор ослаблен невероятно...»

С этими мыслями и заснул. И только во сне к нему пришла догадка о подноготной его странной слабости и сонливости: «Да ведь меня усыпили!» Чётко вспомнились слова местных эскулапов и их желание усыпить слишком беспокойного пациента ещё на сутки. Естественно, сознание стало противиться такому насильному сну. В результате чего удалось несколько раз вернуться в реальность. Но каждый раз, когда раненый открывал глаза, над ним склонялось заботливое лицо сиделки и раздавался тихий, ласковый шёпот:

- Спи... Тебе надо спать...

«Да что это творится?! – пытался он мысленно возмущаться. – Ещё и гипноз ко мне применяют!» Пару раз даже попытался что-то гневное высказать вслух, но ничего не получалось. Губы не шевелились, слабость опять сковывала члены, веки бессильно опускались на глаза, а уши заволакивало ватой очередного сна.

Так и чередовалось: возмущение – некие картинки из прошлого и будущего. Порой мелькал верный двуручник. Порой он пробирался по подземным ходам дворца в Шулле, а один раз

пытался, безоружный, убежать от кашьюри, которые вдруг встали на задние лапы и вздумали передвигаться, словно люди.

Очередное пробуждение вначале тоже показалось сном. Короткий женский вскрик, а потом шорох непродолжительной интенсивной борьбы где-то рядом. Причём женщину не то продолжили обижать, не то удерживать, но она стала время от времени мычать, словно рот у неё заткнут, а сама она крепко связана. Тотчас на лицо Менгарца легла невесомая, но явно влажная ткань. Пока он к ней с недоумением принюхивался, началось странное копошение вокруг кровати, и вроде как пациента перенесли в иное место вместе с матрасом. Краткая пауза в движении, уложили на нечто иное и вот опять понесли, стараясь это делать плавно, без рывков и совершенно беззвучно. Даже сложилось такое впечатление, что носильщики женщины, к тому же босоногие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.